

*(Не)гадайте
на любовь*

Роксэн Руж

Роксэн Руж

(Не) гадайте на любовь

«Литнет»

2023

Руж Р.

(Не) гадайте на любовь / Р. Руж — «Литнет», 2023

Раз в крещенский вечерок Девушки гадали: За ворота башмачок, Сняв с ноги, бросали. Вот и я не стала исключением, запустив калошей прямо в лоб бежавшему за мной следователю. Попала? Однозначно...#адекватные_герои #нестандартное_знакомство #смех_и_грех #ХЭ

© Руж Р., 2023

© Литнет, 2023

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	19
Глава 4	27
Глава 5	30
Глава 6	34
Глава 7	41
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Глава 1

- А вот за это я тебя лет на двадцать закрою, поняла? – Меня практически ткнули нашкандившим носом в чёрный мусорный пакет, аккуратно сложенный в формат кирпича.

- Серьёзно? – округлила я глаза со страху. Мне нельзя на двадцать лет, мне даже на час нельзя опоздать, дабы сына из сада успеть забрать. – Я не знала, - пискнула, с ужасом разглядывая целый пласт моих несбыточных надежд.

- Незнание закона не освобождает от ответственности, - пронудил следователь, бросая на стол пакет. Поднялось облачко белой пыли. Глаза моментально заволокло, в носу засвербело. Громогласный чих удержать внутри себя не получилось.

- Будьте здоровы. – Полное сарказма пожелание вылетело из его ухмыляющегося рта.

И вам не хворать – подумала, но вслух ничего не сказала. Как я уже успела заметить, юмор не входил в набор личных качеств этого мужчины. Хотя, в органы шутники и не попадают...

Следователь уселся на скрипнувший совдеповский деревянный стул, а я скукожилась на своём, попадая под леденящий серебром взгляд. Он смотрел на меня не отрываясь. Я всё глубже вжимала голову в плечи, жалея о каждом сантиметре своего полутораметрового с кепкой тела, точнее, с высоко начёсанным искусственным париком...

Полнейшая абсурдность ситуации не давала светлым мыслям пробиться в мою голову. А пронизывающий до пяток взгляд лишил и тех, что были нажиты непосильным жизненным опытом. Ёрзнув ещё раз на стуле, я проямлила:

- Егор Дмитриевич, может, договоримся как-нибудь?

- Ты совсем уже сбрендила? – прорычал он. – Сверху ещё пять лет за взятку захотела?

- Никак нет. Какая взятка, вы что?! Я просто... С меня и взять то нечего. – Кроме очевидного. В это самое очевидное следователь и вонзился взглядом. Ну да, даже в моём угловатом теле имелись впечатляющие округлости. Расправила на груди рябинного цвета крупные бусы...

Правильно вот этот вот бугай выразился – сбрендила. По-другому и не скажешь. Полнейшей дуростью было согласиться на уговоры подруги. Натянуть на себя балахон Бабы Яги, не удивлюсь если взятый напрокат в местном доме творчества. Спрятать собственные русые волосы под кудрявый чёрный парик, от которого жутко чесалась голова, и так же жутко воняло третьесортной синтетикой. И что было глупее всего – ассистировать при процедуре снятия проклятия безбрачия вон с того бесчувственного пня...

А оно мне надо было? Нет, не так... А оно ему надо было? Навряд ли.

О Боги, и достанется же кому-то это мудиловое счастье... Хоть один плюс из маячивших на горизонте перспектив от двадцатипятилетнего срока – данное счастье точно обойдёт меня стороной.

Ну не дура ли!? Вот и о чём я сейчас думаю? Мне бы о собственных чаяниях переживать, а не о чужих...

Включился режим яжать, глаза застлали кипячённые слёзы. Очертания сидевшего за столом следователя в очередной раз размыло.

- Начинается! – сказал он недовольно. Что-то чиркнуло. Потянуло неприятным запахом. Я опять остервенело чихнула. Будучи аллергиком, такая реакция на сильные запахи была для меня вполне привычной.

- Егор Дмитриевич, не погубите! - Апчихи. - У меня сыночек маленький совсем!

- Сын? – Что-то в его голосе как будто дрогнуло. Неужели, и в этой ледяной глыбе имеется что-то напоминающее доброту? А вдруг всё-таки пожалеет? Когда речь идёт о тюрьме, тут уже не до гордости. А страх за судьбу сына толкнул на полное безумие – я решила на обман, подумав, что к тёске следователь будет лояльней относиться...

- Сыночек. Егорушка. – Слёзы брызнули из глаз в три ручья от стыда перед сыном - Богданом. Нос моментально забило. Тут уже и до икоты было недалеко...

Оторвала от пришедшего в полную негодность балахона лоскут ткани, всё ещё сырой от возни в снегу во время «задержания». Промокнула глаза и высморкалась. Вновь посмотрела на следователя...

Задержатель хренов. Единственное, что меня сейчас успокаивало, так это его рваные на коленях джинсы и очевидные мокрые пятна от того же растаявшего снега на тёмно-синей варёнке.

Просто так я не далась, да...

- Он совсем маленький. А я одна его воспитываю, Егор Дмитриевич. Совсем...

Непонятное выражение блеснуло в его правом глазу, левый же оставался безучастным, подсвечивая разноцветной палитрой поставленного мною «фонаря». Нет, туда лучше не смотреть, дабы не будить книжного червя, который начнёт опять сухо перечислять все статьи уголовного кодекса, которые я нарушила, зафинтилив калошей аккурат в должностное лицо...

Вернула своё внимание на не пострадавшую часть уже скривившегося в скептической ухмылке следователя. Слёзы застряли в горле, когда он поднял телефонную трубку и сказал кому-то зайти.

Вошедшего мужчину я уже имела счастье видеть сегодня. Именно он смеялся громче всех, когда мы с этой ледяной глыбой нарушили монотонный рабочий процесс местного отдела полиции своим эпичным появлением. Он – в мокром рванье, с подбитым глазом. Я – в мокром рванье, со съехавшим вбок париком. Красота...

И на этот раз коллега моего инквизитора не обошёлся без порции гортанного смеха.

- Прости, Егор Дмитриевич, никак не привыкну к твоему подштрихованному облику, - сказал тот, утирая слёзы, вызванные смехом. Меня он просто-напросто даже не заметил, хотя я была этому только рада. На всякий случай всё равно прикрыла лицо ладонью по образу и подобию тех самых... не поступивших...

- Отнеси этот пакет на экспертизу. Срочно надо.

- Егор Дмитриевич, скажи, что ты пошутил! - Вмиг посерьёзnel его коллега по правовому цеху.

- Степан Юрьевич, а по мне разве заметно, что я сейчас шучу?

- Даже не знаю. Справа посмотришь – вроде нет, слева – да. – Я еле удержалась, чтобы не фыркнуть в качестве поддержки этому дельному наблюдению. У Егора Дмитриевича явно проступало на лице раздвоение личности.

Следователь взглянул на меня ястребом, даже защитная решётка из пальцев не помогла – по телу пробежал озноб. Так обычно бывает, когда шестое чувство начинает бить тревогу – быть беде.

- А ты случайно не забыл, Егор Дмитриевич, что только что прошли новогодние праздники. Экспертиза на ушах стоит. Сегодня сам нож с «мокрухи» сдал, так меня чуть этим ножом и не... - Он резко замолчал, как будто вспомнив, что в кабинете они не одни, прервав свой страшный рассказ. – А у тебя тут обычный рождественский шабаш. – А он мне, кажется, начинает нравиться. Сразу ведь понял, что ряженные мы и к криминальному сегменту не имеем никакого отношения... - Закрой эту мультяшку на пятнадцать суток за аморальное поведение, и дело с концом, а там и экспертиза разгрузится.

Твою мать! Твою ж мать! Какие пятнадцать суток?!

- Степан Юрьевич, у меня тут как минимум полкило. Ещё попытка побега, плюс нанесение телесных повреждений уполномоченному лицу при задержании. Пусть быстрее сделают. По моей личной просьбе. Вот, дай девчонкам к чаю за расторопность.

Вот оно значит, как всё здесь происходит?! И эта высокоморальная сволочь ещё что-то говорила про взятки?! Сам же как ни в чём ни бывало достал из ящика своего стола подкат

- коробку конфет «Мишки на севере» - и передал его своему не менее высокоморальному коллеге. А мне лишь за один невинный намёк хотел накинуть ещё пять лет. А вон тот мужик так и вовсе идеями страшными раскидывается...

Всё-таки не зря их все ненавидят, не зря называют за глаза «мусорами». Ну что же, теперь и у меня появилось аргументированное право присоединиться к гласу общественности.

- Ладно, давай сюда свою контрабанду. Не дай Бог там окажется какая-нибудь толчённая полынь с мышинным помётом. С девчонками сам разбираться пойдёшь.

- Там земля кладбищенская. – Я оторвала от лица ладонь. Раз эти двое так боятся своих коллег-женщин, то стоит этим воспользоваться. – Для ритуала нужна была, Егор Дмитриевич, ну чтобы... - изобразила пальцами ножницы в действии. – Как бы правильно выразиться... Чтобы освободить вас от венца безбрачия.

- Я чего-то не знаю, Егор Дмитриевич? Жениться надумал, а злые духи не разрешают? – удивлённо воззрился почему-то на меня, а не на своего коллегу, второй следователь.

- Не мели чепуху. Под прикрытием работал. Давай, неси уже.

- А ты её саму то на экспертизу водил? Может она это, того? - Дважды свистнул.

Боже мой, ну почему так?! Стоит мне только открыть рот и в мой адрес летят новые обвинения. Уже непонятно в чём конкретно меня подозревают. А ведь я не соврала ни разу. Почти...

- Там правда кладбищенская земля, - сказала я, глотая горькие от обиды слёзы. По крайней мере, так меня заверили в магазине «Чёрная кошка», куда я отправилась по поручению подруги купить нужные для ритуала атрибуты. Сама она этого сделать не могла, так как была временно обездвижена гипсом до бедра.

Я очень удивилась разнообразию товаров в ведьмовской лавке, и не менее – разномастной длинной очереди, выстроившейся за чудотворной хренью. Такое скопление паломников я видела лишь тогда, когда работала в сетевом маркетинге и пыталась «подняться» на бадах для снятия отёчности. Видимо, надо было слушать подругу и идти зарабатывать на кроличьих лапках...

Такое помешательство на колдовстве случилось с нашим небольшим городком – даже не миллионником - несколько лет назад, когда один из местных жителей вышел в финал знаменитого телешоу «Экстрасенсы». До первого места не дотянул, мол, денег не хватило. Но и бронза запустила настоящий ведьмовской бум. И вот он результат – пласт кладбищенской земли в руках глядящего на меня с подозрением следователя...

- Знаешь, Егор Дмитриевич, маловато будет одной лишь коробки конфет. Накинь сверху ещё коньячка за моральный ущерб, так сказать.

Мой инквизитор ничего на это не ответил. Вновь нырнул в ящик, достал из него Арарат пятилетней выдержки, вручил его напарнику. Мне же оставалось молча наблюдать за творившимся вокруг беспределом. Одна надежда была лишь на порядочность логистической группы Чёрной кошки, если, конечно, таковая там имелаась, дабы поставлять в массы стопроцентную кладбищенскую землю, а не какой-нибудь... суррогат. Например, подруга раньше легко обходилась землёй из придомовых клумб, это теперь ей статус известной гадалки не позволял разорять общественные насаждения...

Боже, хоть бы в земле той кладбищенской не обнаружили какие-нибудь вымирающие рачки! За такое вон та бессовестная ледяная глыба с двойными стандартами мне как минимум пожизненное впяет.

Да уж, удружила подруга дней моих суровых. Только бы выйти отсюда, желательно не через двадцать пять лет, и даже не спустя пятнадцать суток...

Только бы она догадалась Богдана из сада забрать, или хотя бы позвонить моей маме...

В глазах вновь закипели слёзы полнейшего бессилия. Я посмотрела сквозь дрожащую пелену на совершенно равнодушных до моих печалей мужчин. Один прострелил ледяным

холодом неподбитого глаза, второй так и вовсе больше интереса проявил к этикетке чёрной с напылением бутылки.

- Ладно, уговорил. - наконец сказал он, направляясь к двери. И как только та за ним закрылась, оставшийся «мусор» обратился ко мне:

- Ну что же, Глафира Урсуловна Кво из культа Геены огненной, десятого ранга рассветной тьмы, обладательница печати невесты дьявола, - и как он это всё умудрился запомнить и повторить скороговоркой? - у нас есть несколько часов. Давайте используем их с умом...

Мне, как женщине, в последний раз проводившей время с пользой несколько лет назад, если точнее - семь, было неловко от его предложения. Это же было оно ведь?

- Егор Дмитриевич, вы сейчас что имеете в виду? - на всякий пожарный уточнила я, снова хватаясь за свои рябиновые бусы словно за оберег. Эх, точно надо было ту кроличью лапку на веревочке брать. К удаче, говорят. Может, всё-таки пронесёт, а?

Он встал из-за стола и обошёл его. Исчез барьер, что разделял нас. Да и для глаз не осталось препятствий.

Я оглядела его, начиная с полуспортивных ботинок на шнуровке. Пробежалась взглядом по синим джинсам, на которых более тёмные пятна начали видоизменяться, превращаясь в белёсые от насыпной дорожной соли кляксы. Кожаный ремень фиксировал их на узких бёдрах. Дальше Егор Дмитриевич шёл больше в ширь, нет, он не был в весовом излишке, просто он был в теле - в нормальном мужском теле, когда и грудь колесом, и плечи широкие. В общем, коса и сажень были на месте. Водолазка позволяла разглядеть совсем небольшой животик.

Взгляд зацепился за маслянистую дорожку, думается, безвозвратно испортившую кашемир - это я нечаянно пролила во время ритуала лампадку с ароматизированным маслом. А на плечах всё ещё виднелись следы от накапавшего воска. И это тоже была я...

- Ну так что, Глафира Урсуловна Кво из культа Геены огненной, десятого ранга рассветной тьмы, обладательница печати невесты дьявола, как поступим?

- Вы же меня на все двадцать пять эммм... засадить хотели, Егор Дмитриевич. - Вновь пробежалась взглядом по джинсам, стопорясь на... ремне. Просто с моего сидячего положения именно он лучше всего попадал в объектив.

- Я и сейчас хочу засадить на все двадцать пять, Глафира десятого ранга. Просто даю шанс тебе с наименьшими потерями...

- Нет, - прервала я его речь.

- Что - нет, Глафира - повелительница тьмы?

- Ирина. - Прорычала я собственное имя, а то ЭТОТ так и будет подкалывать меня специическим псевдонимом. Ему шутка-прибаутка, а у меня ком в горле каждый раз и нервный тик в глазу. - И да, нет, спасибо.

- Ирина, значит? Опять врешь?

Да иди ты...

- Ирина - моё настоящее имя, Егор Дмитриевич.

- Ну что, Ириш, договариваться то будем? Наркоту я с тебя списать никак не смогу, сама понимаешь, а вот на побои глаза закрою, так уж и быть.

- Да вы итак уже глаз один закрыли, - ляпнула, прежде чем успела подумать о перспективах.

- Умная сильно, да?

Была бы умная сильно, здесь бы не сидела. А так, получается, глупая сильно...

- Я не понимаю, чего вы от меня добиваетесь, Егор Дмитриевич! - Ударилась в эмоции окончательно. Голос срывался практически на каждом слове, так и норовя взять ноту «Си». - Вы сами пришли на сеанс. Я ж вам ведьмовской харассмент не устраивала.

- Сдай своего дилера, Ириска-барбариска, и дело с концом. Отсидишь пару лет, выйдешь по амнистии.

- Егор Дмитриевич, вы дебил? – Наконец, сорвалась я. Желание сказать ему гадость было сильнее здравого смысла. – Я же сказала – земля там была, кладбищенская! Какой дилер?! Проверьте сами, продаётся в магазине Чёрная кошка.

- Чёрная кошка, говоришь... Ну, видишь, не так всё и сложно. Давай, киса, рассказывай дальше, имена, контакты.

- Да пошёл ты! – На этот раз я сказала это вслух, потому что уже... просто достал. Тем более, после сорвавшегося с моих губ прямолинейного оскорбления терять уже было нечего. Быть может, скоро я очень пожалею о своём малодушии, но сейчас все адовы черти, сидевшие в моём тихом пруду, ликовали, глядя в его злой серый глаз...

Опёрлась на спинку стула, который тут же жалобно заскрипел. Сложила руки под бусами, и стала разглядывать стену, выкрашенную в непонятный зелёно-фисташковый цвет.

Через некоторое время следователь пришёл в движение, привлекая моё боковое зрение. Повернулся к столу, взял кружку с надписью на ней - с двадцать третьим февраля как раз под его улыбающейся физиономией, пару раз дунул внутрь, обтёр о водлазку горлышко, налил воды из графина. После этого подошёл ко мне, присел на корточки.

- Я же за тебя переживаю, Ир, правда. Сейчас ещё можно что-то решить. Мне ты не нужна, сдашь дилера, может даже условным обойдёшься. На, вот, попей, успокойся.

Не нужна я ему, как же. Зачем тогда целый километр (по ощущениям в ногах) за мной гнался?

Взглянула на него, потом на него же на кружке. Да, там он был малость посимпатичней – примерно такой же, как перед встречей с моей заледеневшей калошей...

- Спасибо, я не хочу, - отмела его жест доброй воли.

- Ну как знаешь, Ира, я два раза предлагать не буду, - сказал он и в подтверждение своим словам присосался к кружке. Опустошил ту в два глотка, мне же оставалось пытаться протолкнуть сухой ком в горле...

Глава 2

Он продолжал сидеть на корточках, парализуя меня своим взглядом. Способность к движению сохранилась лишь в пальцах правой руки, перебирающей бусины на манер чётков.

Одноглазый Медуз Гаргонович, твою мать... Страшно представить, какой парализующий эффект произвёл бы на меня полный зрительный контакт...

- Ладно, думай пока, Ириш, время есть. Немного, но есть. – Он похлопал меня по коленке, видимо, демонстрируя тем самым дружеское расположение. Распрямился, хрустнув при этом парочкой суставов. Больше не говоря ни слова, вышел из кабинета.

Куда? – я практически задала вслух свой вопрос от страха остаться одной в этом холодном неприветливом помещении. Огляделась, подмечая безрадостные фисташковые стены; пол, покрытый линолеумом с прогалинами в тех местах, где стояли стулья и столы; неровный потолок в старой потрескавшейся побелке; выкрашенный в светло-голубой цвет сейф в мой рост; совдеповскую мебель; отсутствие окон. Всё в этом кабинете буквально кричало – дальше счастья нет...

Завибрировавший на столе телефон привлёк моё внимание. Где-то с минуту он бился в судорогах. Потом вновь наступила оглушающая тишина.

Поёрзала на стуле, хоть так пытаюсь разогнать кровь в задеревеневших мышцах. Огляделась в поисках часов – нет. Вообще не было никакого ориентира. Сыночек мой...

Посмотрела на лежавший на столе телефон. А если только одним глазком... хотя бы просто посмотреть на циферблат? А может быть, сделать быстрый звонок? Полагается же мне один звонок. По крайней мере, так показывали во все криминальных фильмах...

Я подождала ещё несколько секунд, пытаюсь уловить хоть какой-то звук за дверью. Скоро ли вернётся следователь? Чёрт, надо было сразу как только он вышел хватать телефон и звонить подруге, а не сидеть сиднем!

Ну, решайся уже!

Я поднялась со стула, сквозь зубы чертыхаясь на оглушительный скрип. Прокралась на цыпочках к столу, всё ещё боязно поглядывая на дверь. Выбросила в ведро ранее оторванный от балахона носовой платок, мокрый от слёз и не только. Потянулась к телефону и... Стоило первому гудку раздаться в динамике, как дверь резко отворилась, практически влетая в противоположную стену. В кабинет ворвался следователь с победным блеском в одном глазу...

- Вот, видимо, и наш дилер нашёлся. Ну что, Ириш, теперь будем разговаривать? Что, кстати, ты там в ведро выбросила. При осмотре закладку не нашёл в твоём платянце. Потайной карман? Умно...

То есть всё это время он за мной наблюдал? Видел, как я практически по-пластунски передвигалась в его кабинете, выжидал, пока решусь позвонить... Он, наверное, сам и сделал звонок, дабы совратить меня вкусить запретной сотовой связи. Вот же... Вот же... Дмитрий Нагиев в запятнанной водолазке!

Следователь тем временем прошествовал к своему столу и с самодовольным видом поднял ведро. Не знаю, как должны были выглядеть закладки, но свёрнутый чёрный тканевый ком очень даже обрадовал его.

- И что это у нас тут, Ириш?

- Ведьмовской мешочек, Егор Дмитриевич. Ещё лучше кладбищенской земли... вшто-ривает.

- А ты проходи, садись на стульчик. Сейчас протокол изъятия составим, да на экспертизу...

Он с таким довольным видом извлёк комочек счастья из ведра, что я даже забыла о приказе проследовать к своему стулу. Уж очень хотелось, так сказать, посмотреть из первого ряда на его реакцию на ведьмовскую закладку.

- Это что? – спросил он, уже понимая, но ещё не признавая очевидное.

- Заключительная стадия снятия венца безбрачия, Егор Дмитриевич. Поздравляю, вы свободны. – Шагнула назад. – Зря вы так сердитесь сейчас. Магическое свойство соплей очень хорошо известно в народе, говорят, даже грудь расти начинает, если усердно и постоянно натирать...

- На себе практиковала? – Его злой глаз заскользил вниз на мои... бусы. Там и задержался на несколько секунд.

Стало совсем не по себе. Быстро зашуршала балахоном обратно к стулу. И в тот момент, когда я плюхнулась на него, Егор определил ведро на место – если так можно было назвать бросок корзины под стол...

Прежде чем содрать трубку со стационарного телефона, обтёр руку о штанину – плакала я сегодня много и с полной отдачей делу. Спустя пару секунд он пробасил:

- Нужно пробить номер телефона. – Считал его со своего экрана. – Хорошо. Жду.

Делааааа... Как ни крути, а на дилера кладбищенской земли, точнее – идейного вдохновителя на сомнительного рода ритуалы он таки вышел.

Прости, Элеонора Малифисентовна Сатанова, первая в круге восходящей луны, обладательница печати любимой невесты дьявола... В народе просто...

- Елена Максимовна Попова. Отлично. Спасибо за оперативность.

Прости, подруга...

- Ну что, теперь поговорим? Даю последний шанс, Ир. Иначе примусь за дилера твоего. Они таких наивных на раз-два сдают. Сядешь, дурочка, за чужие грехи.

Твою мать, а кто ж тогда Богдана из сада заберёт? Это пока с экспертизы придут результаты. Или вообще на пятнадцать суток задержит...

- Хорошо.

- Что хорошо, Ир?

- Хорошо, Егор Дмитриевич, расскажу всё, как было...

Опять чиркнула зажигалка и потянуло недобрым духом. Аллергическая реакция не заставила себя долго ждать – я трижды чихнула с секундным интервалом.

- Вы бы не могли, Егор Дмитриевич, не курить? Или хотя бы в форточку? Ах да, у вас же окон тут нет. У меня чувствительность просто, а дым прямо облаком висит... - Замолчала, порезавшись об его острый взгляд. – На нет и суда нет.

- Суд есть на незаконный оборот наркотиков, Ириш, - подначил следователь.

Как же тяжело с ним! Он ведь к каждому моему слову цепляется... Интересно, такому всех следователей в институтах обучают, или мне единственный... с говнецом достался?

Егор втянул в себя ещё несколько порций ядовитого пахучего дыма, после чего вдавил сигарету в пепельницу, взмахнул рукой, прореживая дымовую завесу.

Как говорится – и на том спасибо. Апчихи...

- Всё? Или будут ещё какие-то пожелания?

- Водички, если можно...

- Твою ж... - Он не договорил. Обогнул свой стол, взял подарочную кружку, налил в неё воды из графина. – Если что-то ещё нужно, то ты говори, не стесняйся. – Протянул мне кружку с замораживающей улыбкой на губах.

- Спасибо, Егор Дмитриевич. Правда, вот, знаете, редко когда такого хорошего человека встретишь...

- Ир, давай без этого, ок? Сейчас ты будешь разыгрывать сироту казанскую, потом начнёшь реветь в три ручья, потом просить-умолять...

И как он так легко раскусил мои намеченные на ближайшие два часа планы?

- Что вы, Егор Дмитриевич, я не...

- А сейчас ты опять схватишь свои бусы и будешь хлопать своими большими глазами. Смотри, доиграешься, Ирка!

- Да я бы никогда... - Поймала себя на том, что таки потянулась к бусам. Это моё движение заметил и следователь. Оскалился в улыбке, мол, я же говорил.

А вот фигушки, вам, мы не такие легко читаемые...

Вместо бус схватила парик и стянула его, испытывая в этот момент чуть ли ни оргазм. Даже не смогла удержаться от полного удовольствия вздоха. Стянула со своих волос резинку и прошлась массажными движениями по всей голове, рассыпая русые волосы по плечам.

Если я рассчитывала сломать тот шаблон поведения, который приписал мне «мусор», то это у меня получилось. По крайней мере, я явно вызвала живой интерес. Егор внимательно меня оглядел. На этот раз даже ничего не сказал. Просто вернулся за свой стол, уселся на скрипучий стул. Потянулся за пачкой сигарет, но на полпути передумал. Из органайзера для канцелярии достал зубочистку и сунул её в рот. Ладно, пусть «курит» свою палку, она хотя бы не воняет...

- Блондинка, значит, - наконец констатировал он.

- Блондинка, - согласилась я с очевидным.

- Ну давай, блондинка Ира, начинай исповедоваться.

- Значится, дело было так... Егор Дмитрич, вы бы не могли лампу немного в сторону сдвинуть?

- Что, у тебя и на свет аллергия?

- Да нет, просто вас плохо видно.

Усмехнулся, но лампу сдвинул.

- Значится, дело было так... И ещё, Егор Дмитрич, можно... - От резкого удара по столу я даже подскочила на стуле и выронила из рук парик.

- Ир, знаешь, а пошли я тебе камеру покажу? А то мне сдаётся, что ты всей сути не уяснила.

Перегнула...

- Егор Дмитриевич, вы простите, у меня это впервые просто. И вы такой весь... опасный. – Как же я вовремя заменила слово страшный. А то опять про фигнал свой вспомнит. – Я просто растерялась. Не знаю, с чего начать.

- Обычно, Ир, все с начала начинают.

- Логично. Ну, если с самого начала... - Я перебрала варианты произошедших событий, что не навлекли бы на подругу подозрений. Лучше её имя вообще из контекста выбросить. Поэтому, мой рассказ влез в одно предложение. – Мне позвонила ваша сестра и сказала, что у вас, Егор Дмитриевич, проблемы... ну, понимаете, по женской части.

- Какие, твою мать, ещё проблемы?!

Эх, лучше бы он не двигал лампу, так бы я могла полыхнувшую в его глаза злость принять за игру света. Сейчас же в боковой подсветке он выглядел очень устрашающе. Ещё и палка эта, активнодвигающаяся между его плотно сжатых губ. И правда, змий... Решила немедленно реабилитироваться, пока его единственный на данный момент зрячий глаз не вылез из орбиты.

- Ну не то, чтобы проблемы, Егор Дмитрич. Антонина Дмитриевна переживала, что вы из этих... - Я замолчала, подбирая более удобоваримое для нормального мужика определение. – Из женоненавистников.

Это было самым политкорректным, чем бы я могла заменить слово «гей». Но и эта изворотливость не помогла.

Капец...

О том, что Егор никакой не... женоненавистник я поняла сразу же, как только он переступил порог квартиры шестьсот шестьдесят шесть. Это меня, конечно, насторожило, только подругу никак не хотелось подводить...

Сейчас, примёрзнув попой к стулу, я чётко ощущала ту самую ненависть к женскому полу, направленную исключительно на меня.

Волны отрицательных эмоций действовали даже на электроприборы. Вон, и люминесцентные в четыре рядка лампы на потолке начали сбоить. После небольшого светового шоу с треском и миганием, верхние приборы перестали давать освещение. Осталась только лампа на столе следователя.

Вот сейчас стало максимально жутко...

Егор откинулся на спинку своего стула, оказавшись наполовину в пугающей тьме. Я разве что и видела сейчас медленнодвигающуюся зубочистку и слышала хруст костяшек его пальцев. Кажется, я основательно задела его своим рассказом, послужившим, судя по всему, и концом моим надеждам договориться. Дело приняло слишком личный характер для следователя, в мужской состоятельности которого я имела глупость усомниться...

Может, он мне всё-таки камеру покажет? Там и освещение получше – успокаивала я себя. А если повезёт, то и компания поприятней.

- Егор Дмитриевич, я и не думала, что вы из этих...

- Статья сто пятьдесят девятая, – прорычал он из своей тьмы.

- Сто пятьдесят девятая? – пропищала я, заправляя волосы за уши, будто неподготовленный студент на экзамене. – А она за что?

- Хищение чужого имущества путём обмана или злоупотребления доверием, в крупном и особо крупном размерах, – скороговоркой проштрабил следователь, наконец выныривая под свет лампы. От его улыбки всё внутри моментально заledenело. Именно с таким дьявольски довольным выражением лица он и в прошлые разы зачитывал мне статьи. Это занятие, вполне очевидно, делало его счастливее, принося мне море отчаяния. – А, знаешь, Ириш, ты мне подсказала хорошую идею. Если и не по наркоте, то за мошенничество казённый пол топтать пойдёшь. Сама же призналась, что изначально знала, что я не из этих... Но деньги-то взяла.

Вот так всё просто... Открыла рот – получай статью. Нет, теперь я точно молчать буду. Хотя...

- Я требую адвоката!

- Так я тебя пока ни в чём не обвиняю, дурёха, – ответил мне Егор Дмитриевич, вмиг подсобравшийся в большую ледяную глыбу.

- Требую адвоката! – Надо запомнить, что это фраза на орган правопорядка действует не хуже, чем изыди на чёрта. Орган поник, точнее, вновь откинулся на спинку стула и активно зашевелил палкой во рту.

Вот такой тактике теперь и буду придерживаться.

- Ладно, Ир, – наконец подал голос Егор, – сама виновата. – Он взял со стола мобильник. – Тоня, езжай срочно в отдел, мне нужно заявление от тебя. Нет. Ещё раз повторяю... – Он встал со стула и направился к выходу. На одно мгновение мелькнул свет из коридора. Затем дверь закрылась, и я осталась опять в полном одиночестве, хотя сейчас я этому была только рада...

Прислушалась. Настроиться на знакомый голос было несложно, но всё равно до меня долетало лишь неразборчивое бубнение.

- Я её не отпущу! – неожиданно для самой себя выловила из общего контекста фразу. Но ещё даже не успела вконец впасть в безысходную истерику, как в кабинет вернулся следователь, опять впечатав дверь в стену.

Неужели, у меня появился соратник? Антонина Дмитриевна отказалась на меня заявление писать? Ведь не может он её силой заставить...

- Антонина Дмитриевна очень хорошая женщина, - закинула я удочку, глядя, как следователь крутит в пальцах пачку сигарет, уставившись на... Оправила бусы.

Егор потряс головой, будто прогоняя наваждение. Наверное, всё это время он долго и упорно думал о том, как таки засадить на все двадцать пять...

- Антонина Дмитриевна полная дура, раз позволяет себя одурачить за свои же собственные деньги. Сколько, ты сказала, она отдала за тот... ритуал? – последнее слово он буквально выплюнул.

- А я вам и не говорила, Егор Дмитриевич. – Неее, касатик, ты меня уже хорошо обучил своим приёмчикам. С тобой надо не только ухо в остро, но и рот на замке держать...

А что касаясь денег, у моей подруги не было какой-то постоянной таксы за колдовскую помощь в мирских проблемах. Её позиция была таковой – дайте, кто сколько может, но не меньше двух тысяч рублей...

Антонина Дмитриевна внесла аванс в размере тридцати тысяч, остальную сумму обещала принести после проведения ритуала. Они с Леной обсудили все детали и выбрали день – восьмое января. Астральное окно в этот период было практически распахнутым, ретроградный меркурий был в нужной точке, поэтому и колдовские чары работали лучше всего. А в случае с Егором Дмитриевичем нужно было использовать все имеющиеся возможности. Так сказала Ленка Антонине Дмитриевне, обеспечивая себе тем самым новогодний отпуск в Тайланде...

А потом у подруги случилось неаккуратное падение с трапа самолёта, гипс, и... Вот я сижу напротив вышагивающего по кабинету следователя и обливаюсь холодным от страха потом...

- Ну так, Ира...

- Адвокат.

- Экспертиза ещё долго...

- Адвокат, Егор Дмитриевич, - протянула я.

- Я помогу...

- Адвокат и точка.

Для того, чтобы потянуть время я могла долго адвокаться, да и «мусор» пока сдаваться не собирался. Нервничал, злился – это да, но всё равно не отказывался от идеи меня, как бы поудачней сказать, размотать на чистосердечное. Раздался стук в дверь, мы оба замолчали и посмотрели в одну точку.

Дверь открылась и в кабинет вплыла барышня в форме – серый верх, тёмный низ. Макияж, туфли на высоком каблуке, причёска – волосок к волоску. Наверное, лет тридцать. В полумраке сложно было определить более точно. Хотя, широкую улыбку я узрела.

Барышня постучалась уже в открытую дверь, озвучивая каждое свое действие:

- Тук, тук, тук. Егор Дмитриевич, можно? – Не дождавшись разрешения, барышня поплыла к столу, около которого и стоял следователь. – Вы заняты?

Он кивком головы указал на меня. Барышня скользнула по мне быстрым взглядом. Лишь на секунду её губы скривились от брезгливости, потом вновь вытянулись в улыбку. Судя по всему, сногшибательного впечатления я не произвела.

- Егор Дмитриевич, ты помнишь о сегодняшнем дне?

- Вот в таком виде? Смеешься? Отменяй всё.

- Но, Егор!

- Отменяй бронь, - его голос резанул по коллеге так, что даже моему феминистскому началу стало не по себе. Наверное, поговори он так со мной, я бы раскололась уже давно...

- Но...

- Анастасия Семёновна, у меня допрос.

- Как скажешь, - ответила она, полоснув почему-то по мне злым взглядом. Видимо, из-за того, что я стала свидетельницей произошедшего отшивания. Блин, я-то тут вообще при чём? Это я жертва обстоятельств, а ты, красавица, не сильно много и потеряла, если судить чисто по-женски. Вон того с венцом безбрачия не исправит уже...

Так, стоп... Хмммм... Впервые за долгое время я позволила себе расслабиться, откинувшись на спинку стула. Посмотрела на следователя. А может, всё-таки я ошиблась, а сестринское чутьё нет...

Он внимательно меня разглядывал, и сто процентов должен был увидеть ухмылку, что я сдержаться не смогла.

- Насть, постой. – Она остановилась у двери. Выплывала работница из кабинета долго, будто ждала вот этого самого оклика. – Подойди. – Девушка развернула карму и проследовала обратно, уже чуть быстрее.

- Что, Егор Дмитрич? – Сколько сладких сливок было сейчас в её голосе... Меня даже немного замутило.

Только вот Егор ответил совершенно неожиданным образом, поддав вопрошающей деве по заду. У меня даже в ушах зазвенело. Всё-таки у них тут как-то всё интересно устроено...

- Ну, Егор! – К томным сливкам добавилась и засмущавшаяся игривая клубничка.

Егор же в этот момент смотрел исключительно на меня.

И ради чего всё это представление? Решил практическим путём доказать, что он по девушкам? Для меня это было единственным логическим объяснением...

- Всё, иди. Мне работать надо. - Шлёпнул ещё раз по попе осчастливленную тем самым коллегу и даже проводил её до двери. Джентльмен...

Вернулся за свой стол.

- Как видишь, Ириш, нет у меня проблем с женщинами.

С женщинами, может, и нет, а вот с головой – точно.

- Ну, мужик, чё... Егор Дмитриевич, а адвокат скоро прибудет?

Опять мы остались вдвоём... Опять его глаз пополз по мне... Опять замелькала зубочистка, правда, уже другая.

Я окончательно потерялась во времени. Как долго длится сия экзекуция? Сколько ещё он намерен меня здесь держать? И намерен ли вообще когда-нибудь выпустить?...

Я её не отпущу – заверил он Антонину Дмитриевну. А может и правда свобода мне теперь будет только сниться...

Переживания за сына практически толкнули меня попытаться в очередной раз договориться со следователем. Вовремя себя остановила, наткнувшись на его зоркий глаз с чуть изогнутой бровью. Второй же к этому моменту заплыл окончательно, но и этот почерневший вздутый мешок пыталась приподнять густая тёмная бровь.

Жуть какая... Меня даже передёрнуло.

- Замёрзла? – спросил Егор участливо.

Всё понятно – решил поиграть в хорошего и плохого полицейского. Вместо ответа на явную провокационную вежливость я начала напевать себе под нос новогоднюю песенку про трёх белых коней, которую мы с Богданом учили для утренника. Вот бы и меня сейчас унесла эта тройка лошадей куда-нибудь подальше отсюда, желательно к сыну...

- Ладно, ещё посиди помаринуйся, Ир. Я не тороплюсь. Мне сына забирать из сада не надо. Как, говоришь, мальчонка-то зовут?

Не твоего ума дело...

- И уносят меня, и уносят меня в звенящую снежную даль...

- Ладно, подождём. – Егор обошёл стол, уселся на стул, взял телефон и начал листать видеоролики. Его лицо зловеще подсвечивалось экраном, и к дополнению к этому образу он

то и дело ржал как все те трое коней вместе взятые. Особенно заливисто над теми видео, в которых плакали дети. Больной на всю голову...

Конечно, я понимала, что это очередное давление с его стороны, но на этот раз оно было более действенным. В каждом плачущем ребёнке я слышала своего сына. И за это я ненавидела веселящегося следователя до самых корней синтетических волос валявшегося на полу парика.

А ведь когда-то подобные эмоции я испытывала лишь к отцу Богдана. Участие этого мужчины в моей жизни можно было описать в трёх действиях – сунул, вынул и пошёл. Хотя, нет, пожалуй, в четырёх: добился и потом уже всё вышеперечисленное. В последний раз я разговаривала с этим уродом на третьем курсе в университетской столовке, когда «обрадовала» его предстоящим отцовством. В букете запахов задревеневших пирожков с капустой, с картошкой и с яйцом и закончилась история моей первой любви.

Наверное, донор семенной жидкости выдохнул с облегчением, когда я ушла в академ, потом ещё раз, когда ушла во второй... В конце концов пришлось признать очевидное – грызть гранит науки, пока сын дудонит титку, у меня просто не получилось...

Я приспособилась к роли двадцатилетней матери-одиночки. Так же как сейчас начала адаптироваться к детскому плачу.

Поймала направленный на себя взгляд.

- И уносят меня и уносят...

Плачущие дети сменились орущими котами. Да Боже ж ты мой...

- Егор Дмитриевич, а включите сразу Бузову... - Не успела я договорить, как открылась дверь в кабинет. Вошёл уже отметившийся здесь ранее Степан Юрьевич. Почиркал переключателем.

- Лампочки опять накрылись? – спросил он очевидное, проходя в кабинет. – Держи, Егор Дмитриевич, тебе тут передали. Кстати, к девчонкам потом зайти, ага. Советую захватить что-нибудь посерьёзнее конфет.

Неужели и правда что-то нашли в той кладбищенской земле? Вымирающих рачков? Какую-нибудь доисторическую комариную куколку палеозойской эры? Наркотики, не дай Бог?...

- Есть что? – Егор озвучил горевший на моих губах вопрос.

- Сам посмотри, - уклончиво ответил Степан Юрьевич. Потом повернулся ко мне и... Что это сейчас было? Он мне подмигнул? Или это всё-таки была игра света?

Мамочки...

- Егор Дмитрич, а можно вслух? Или дайте, я сама прочитаю.

- Сядьте, гражданочка, - впервые за весь сегодняшний день он обратился ко мне на ВЫ. Егор взял первый лист, бегло пробежался по нему глазом.

- Серьёзно? Степан Юрьич, ты уверен, что правильные документы принёс?

- А то, Егор Дмитрич. Настолько уверен, что пойду, пожалуй, приму успокоительного. К девчонкам не забудь зайти, они тебя очень желали видеть.

Это ведь хорошо? Или плохо? Боже, пусть будет хорошо для меня, и плохо для него...

Степан Юрьевич посвистывая вышел из кабинета, я же, затаив дыхание, ждала пока следователь подробно изучит все четыре листа машинописного текста с таблицами, направив на них лампу.

Ожидание было хуже всего. Я поймала себя на том, что уже потеряла контакт со стулом, зависнув над ним сантиметрах в двадцати, теребя рябиновые бусы.

Наконец, Егор отложил бумаги на стол. Побарабанил по ним пальцами, будто что-то обдумывая.

Очередную статью мне шьёт, не иначе...

- Во сколько сына из сада надо забрать? – От неожиданности я даже шлёпнулась обратно на заскрипевший стул.

- До семи нужно. – Егор направил свет лампы на наручные часы.

- Пошли. – приказал он, срывая с вешалки свой изрядно вымазанный пуховик...

Что?! Как так?! Это очередной хитрый ход? Сейчас он возьмёт и перед самым моим носом захлопнет дверь, чтобы я с горя сознаясь во всех грехах...

- Ир, ну ты идёшь? – заглянул в кабинет уже полностью укомплектованный следователь.
– Опаздываем...

Я бежала со всех ног, но всё равно не поспевала за Егором. Спрашивается, и кто из нас двоих в садик за сыном опаздывает – он или я?

Кроме очевидной медлительности онемевших ног я ещё и шум поднимала знатный. Основным виновником этому был мой прикид. Ноги путались в длинной юбке, бусы подпрыгивали так, что доставали до самого подбородка, распушившийся парик то и дело цеплялся за спинки выстроенных у кабинетов стульев, ещё и калоши, размером больше, чавкали и скрипели при каждом соприкосновении с линолеумом...

- Егор... Егор Дмитрич...

В очередной раз упустила его из виду, когда отцепляла долбанный парик от спинки стула. До этого я легко могла узреть дутый серый пуховик с лисьей оторочкой на капюшоне, сейчас же всё оказалось сложнее.

Подбежала к развилке, напрочь забыв с какой стороны меня сегодня под белы ручки завели в это крыло. Всё вокруг было одинаковым. Даже перегоревшие лампы располагались через равный промежуток панельного потолка...

Твою мать... Что делать то?

- Егор Дмитрич! – позвала я, уже практически плача. Это же надо было умудриться потеться в отделе полиции. Одно хорошо – если меня объявят в розыск, то по приметам – дура в парике и балахоне – найдут быстро...

- Ира! – услышала я таки слева. Повернулась на голос и чуть взаправду не разревелась, глядя на машущего мне следователя. Бросилась со всех ног к нему, стараясь теперь уже не выпускать его из виду. Это было не сложно – на этот раз Егор стоял как вкопанный.

Добежала до него, еле переведя дыхание.

- Ир, а тебе случайно бусы бегать не мешают? – наконец спросил он, как будто опять проморгав наваждение.

- Мне? Фух... Давно я так не бегала, аж дыхание перехватило. – Отдышалась. – Нет, Егор Дмитриевич, не...

- Так, а сейчас быстро к выходу, – оборвал он меня, глянув куда-то за спину. Схватил за руку и уже прицепом поволок за собой. Я только и успела, обернувшись, мельком увидеть довольного Степана Юрьевича, засовывающего в карман тысячную купюру. Направляющуюся к нам Анастасию Семёновну с той скоростью, что за ней ранее не просматривалась, и стоявшую посреди коридора дородную женщину в форме... Шестое чувство подсказывало, что именно она и была первопричиной данного побега.

- Егор Дмитриевич! – Этот голос был создан, чтобы повелевать. У нас в офисе был такой же, и принадлежал уборщице Галине Львовне. Весь персонал в страхе расступался перед менеджером по чистоте. Здесь же вместо швабры и ведра были погоны, но и они вселяли ужас во всех окружающих.

- Мария Александровна, у меня срочный следственный эксперимент. По горячим следам, так сказать. – отрапортовал мой тягач, не останавливаясь.

- После не считите за труд зайти в отдел криминалистики.

Егор, кажется, чертыхнулся...

Морозный воздух ударил в лицо, когда мы выбежали на крыльцо. Горло моментально перехватило. Пришлось уткнуться в парик, чтобы иметь возможность сделать вдох. Запах третьесортной синтетики тут же вызвал раздражение слизистой. Чихнула прямо в чёрные кудри.

- Вон та машина, - указал он мне на белый УАЗ Патриот, довольно рычащий на парковке.
- Я сейчас подойду.

Я заскользила по снежной крошке. Всё-таки такая обувь явно не для резко континентального климата, как и балахон в общем-то...

Бррр. Холодно...

Здрав длинную юбку выше колен, а ноги выше подножки, я таки ввалилась в салон российского внедорожника. Огляделась. Ну что же, пусть и не заокеанская кожа-рожа, но и наша не хуже...

В машине было холодно. Видимо, Егор только-только активировал прогрев. Я окурила паром пространство вокруг себя – если и не минус, то очень близко к нему.

Егор выкинул в собранную кучу посеревшего снега огонёк и открыл дверь с водительской стороны.

- Садик где? – спросил он таким тоном, который уже мало походил на участливый. Может, в том что он там курит вместо никотина запрессован озверин?

- Егор Дмитриевич, можно у вас телефон попросить позвонить. Вдруг Богд... Сына уже забрали. Тогда и вас дёргать не придётся. – Лично я очень рассчитывала на такой исход.

Следователь протянул мне телефон. Видимо, он бы тоже не особо переживал, случись оно так.

Набрала номер, на который уже делала дозвон сегодня. Подруга ответила после третьего гудка.

- Лена, ты моего сына ещё не забрала? – Спросила я, специально не обозначая имя.

- Ирка? Ты где? Всё нормально? Я по камерам посмотрела...

- Лена! Мне сейчас неудобно говорить. – Бросила взгляд на Егора. Он смотрел в лобовое стекло, но явно прислушивался к нашему разговору. – Забрала или нет?

- Спускаюсь только. Лифт не работает.

- Возвращайся, я сама заберу. – Отключилась. - Можно ещё один звонок, Егор Дмитриевич?

- Адрес сада скажи для начала.

Продиктовала конечную точку маршрута, краснея до корней волос. Об этом я не подумала, а ведь должна была. Проснулся червяк, сжирающий меня практически каждый будний вечер, когда я забирала Богдана из сада последним. Всё-таки я плохая мать...

Набрала вызубренный номер.

- Лидия Григорьевна, это Ирина, я еду. Извините, пожалуйста. Пробки...

- Жду, - отрезала воспитатель и сбросила вызов.

Нет, я не просто плохая мать, а отвратительная...

- Спасибо. – Вернула телефон Егору и уставилась невидящим взглядом в окно. Моё обычное состояние по вечерам, когда приходилось признавать поражение очередного дня...

Глава 3

Самое обидное было то, что я работала. Упорно. И не так, как сегодня. Последние резервы кидала на то, чтобы дать сыну всё. Даже новогодние праздники были расписаны по минутам. Я работала в компании недвижимости риелтором. Как раз вчера показывала квартиру одному дедку, который решил продать свою трёшку, дабы купить две однушки – для себя и сына. Но, видимо, он так сильно врос корневой системой в ту жилплощадь, что прикапывался даже к цвету штор, которые вообще к его будущему жилищу не имели бы никакого отношения...

А ведь я так рассчитывала на эти сделки. Хотела Богдана свозить в деревню Деда Мороза, так как перед новым годом он не смог поехать с группой, точнее это я не смогла найти грёбаные пять тысяч, а к Ленке обращаться не хотела. Я итак ей должна была уже больше пятидесяти...

- Слушай, а зачем убегала-то? – Вздрогнула, мыслями возвращаясь в салон. Так увлеклась процессом самоинчегания, что совсем забыла про следователя.

- Что?

- Я спрашиваю, убегала зачем, если в пакете и правда земля была?

Значит, всё-таки она была, родненькая...

- Егор Дмитриевич, а вы себя со стороны видели? Вы же орали, как ошпаренный.

- Так я ошпаренный и был. Ты же на меня плёшку кипячённого масла опрокинула.

- Нет, ну это то да, но зачем же угрожать надо было? Я думала, вы меня и правда убить собирались. Вот и схватила, что первое под руку попало, чтобы отбиваться, если ноги подведут.

- Ладно, про убить я с горяча. Ну а потом то зачем убегала?

- Знаете, Егор Дмитриевич, следователь уголовного розыска звучит не лучше, чем – убью, ведьма недоделанная.

Мы оба замолчали...

Будто почувствовав возникшую заминку, ожил его телефон, который он ранее поместил на держатель в панели. Настя – прочитала я. Егор на вызов не ответил, как и на последующие пять...

- Вот здесь налево, да. И вон у того кованного забора. Спасибо. – Наверное. Было бы ещё за что его благодарить. За десяток седых волос если только...

Он ничего не ответил.

Я вышла из машины и побежала к калитке. Нажала на кнопку вызова нужной группы – магнитной таблетки с собой же не было. Не успела до конца размагнититься дверь, как чья-то рука толкнула её вперёд.

- Я подвезу до дома, - сказал Егор, заходя следом за мной на территорию садика.

- Зачем это? Не надо. Мы сами дойдём, тут не далеко.

- В этом? – Он уставился на мой балахон и бусы, как будто отяжелевшие от холода.

- Подождите тогда здесь, - попросила я, представив, что подумает Лидия Григорьевна, заведя его фингал на пороге группы капишошка. Для воспитателя и моего языческого одеяния будет достаточно...

Группа располагалась на втором этаже. Я влетела по лестнице с такой скоростью, на которую была способна в данных обстоятельствах. Зашла в группу.

Лидия Григорьевна стояла в раздевалке уже при полном параде – длинном пуховике и шапке. На лавочке сидел Богдан, уже тоже полностью одетый, и насколько я могла разглядеть из-под опущенной почти до щёк шапки, он весь покрылся испариной. Видимо, она его отпратвила собираться как только я позвонила, а может и того раньше.

- Молодец, сынок, что уже оделся, - похвалила я его, мысленно проклиная Мигеру Григорьевну. – Извините, пожалуйста, за опоздание. У нас сегодня был корпоратив. И пробки на дорогах. – Решила я внести ясность и в свой образ, и в задержку на целых пять минут.

- Очень рада, Ирина Александровна, что вы находите время для праздника. Желательно, чтобы они проходили не во время родительского собрания.

Чёрт, совсем забыла!...

- Этого больше не повторится, Лидия Григорьевна...

- Мы сегодня с родителя обсудили ряд важных вопросов...

- Лидия Григорьевна, вы меня извините, что перебиваю, Богдан вспотел. Вся информация же продублируется в группе? Я обязательно ознакомлюсь...

- Что касается вашего Богдана... - Воспитатель меня как будто не услышала. Сын в этот момент втянул голову в плечи так, что даже покрасневшие уши вылезли из-под вязаной синей шапочки. Лидия Григорьевна же перевела взгляд мне за спину.

- Добрый вечер, - раздался знакомый голос.

Твою мать!

- Сегодня, видимо, у всех корпоративы, - оценила она вошедшего в группу Егора. – Вы, простите, к кому?

Фингал под глазом сделал своё чёрное дело – носителя такой прелести сложно было воспринимать всерьёз...

- Он со мной, - ответила я раньше следователя.

- Яблоко от яблони. В общем, не буду ходить вокруг да около. Сегодня на родительском собрании состоялось разбирательство по случаю драки между Богданом и Ивановым Ярославом.

- Как драки? – посмотрела я на совсем сникшего сына, который за всё это время и головы не поднял. – Богдаш, подойди-ка к маме...

Сын утёр нос рукавом пуховика, прежде чем встать с лавки и подойти ко мне. Присела на корточки перед ним. Сдвинула шапку чуть вверх. Этого хватило, чтобы разглядеть синяк под глазом.

Егор сзади присвистнул, у меня же перехватило дыхание.

- Богдан был инициатором драки. Хорошо, что родители Ярика не стали выносить это дело за пределы группы.

- Зато вынесли на родительское собрание? – Я начала закипать. – Так? Устроили самосуд над моим сыном?

- Если бы вы удосужились ответить на мой звонок, то знали бы...

- Статья сто пятьдесят шестая уголовного кодекса. – Сзади раздался спокойный голос следователя. Меня как будто вернуло в час назад...

- А о чём она, Егор Дмитриевич? – спросила я, видя по выражению лица воспитателя, что она-то о ней точно в курсе.

- Неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего родителем или иным лицом, на которого возложены эти обязанности, равно как и педагогическим работником. Скажите...

- Лидия Григорьевна, - подсказала я.

- Скажите, Лидия Григорьевна, где вы находились на момент нанесения телесных повреждений этому... Гражданину?

- Я одна, а их... - воспитательница замолчала, наткнувшись на совершенно равнодушный глаз следователя. Эх, Лидия Григорьевна, не в том человеке решили сочувствия искать. На то, что вы одна, а детей тридцать и ещё семеро по лавкам, ему, мягко говоря, наплевать...

Я отвлеклась от этой явно проигранной воспитателем дуэли и вновь посмотрела на сына. Он опустил глаза ниц; на щеках, с которых ещё не сошла обезоруживающая детская пухлова-

тость, горели алые пятна; нижняя губа тряслась от накативших эмоций; под глазом уже окончательно зацвёл фингал...

- Богдан... - призвала сына посмотреть на меня. Он поднял глаза. Я в очередной раз поразилась, как по-взрослому мой шестилетний сын может смотреть на эту жизнь, ровно как сейчас на меня.

- Пойдём домой, мама, - сказал он, снова утерев нос рукавом курточки.

Нет, он не мог быть инициатором драки. Мой сын не стал бы задиаться, а вот сдачи дать – вполне. Хотя он и рос без отца, но таким элементарным вещам, как бей в ответ со всей силы, я его научила.

- Лидия Григорьевна, мы потом обсудим с вами данную... ситуацию. Так же я позвоню родителям Ярослава... - похлопала себя по балахону, ясное дело, не обнаружив в нём телефона. – Завтра.

- Пошли, мам, - Богдан взял меня за руку и потянул за собой, проводя мимо серьёзного Егора Дмитриевича. – До свидания, Лидия Григорьевна.

И кто тут задира? Да он у меня дипломат с самого рождения!

- До свидания, Богдан. У нас на завтрак твоя любимая манная каша, не опаздывай, мой хороший.

Слова Лидии Григорьевны скребанули мою нервную систему не хуже, чем пенопластом о стекло. Видит Бог, я много чего хотела сейчас ей сказать, но не стала. Не при сыне. Хотя, внутри меня всё клокотало, просясь вырваться наружу смерчем матов. Я прощала окружающим меня людям многое, даже предательство, но за своего сына готова была разорвать любого на мелкие кусочки...

Мы с Богданом вышли из группы, а Егор всё ещё стоял там. Пришлось мне взять его за руку, так как следователь, видимо, решил проколупать своим глазом дыру во лбу у побледневшей воспитательницы. Странно, что он так проникся данной ситуацией. Вероятно, у него самого есть дети детсадовского возраста, вот и дала трещину ледяная глыба безразличия. Или же он просто нашёл очередные напуганные уши, в которые решил слить все знания уголовного кодекса российской федерации...

Впереди замелькала табличка – выход. Богдан нажал на кнопку, размагничивая замок. Мы вышли из сада. Сын отпустил мою руку, а я руку Егора - весь путь по лестнице и коридору мы проделали в сцепке. Горячие ладони согревали меня с обеих сторон, и мне почему-то невероятно сложно было отпустить их...

Богдан пошёл впереди, сторбившись и шаркая сапожками, как замученный жизнью старичок. Моё материнское сердце дало трещину. Опять на глаза навернулись слёзы...

Твою мать, надо взять себя в руки! Я должна быть сильной! Примером выдержки и дипломатии... Навалить бы этим сукам...

Богдан совершенно равнодушно воспринял информацию, что вот этот вот дядя с подбитым глазом довезёт нас до дома. Позволил усадить себя в салон внедорожника всё тем же дядей, и пристегнуть ремнём.

Для меня всё тот же дядя открыл переднюю пассажирскую дверь. Я хотела возразить, но, посмотрев на сына, передумала.

Всё понятно, Богдан опять ушёл в себя...

Он никогда не плакал, просто замыкался в себе, переживал и пережёвывал одну и ту же ситуацию раз за разом, пока не был готов рассказать о том, что всё-таки произошло, и какие выводы он сделал. Очень необычная для шестилетнего ребёнка рассудительная позиция, часто воспринимаемая окружающими за слабость.

Я знала, что Богдана бесполезно расспрашивать, но всё равно не отводила от него глаз, в надежде поймать его взгляд, и хотя бы таким образом выразить свою поддержку.

- Так, говоришь, тебя Богданом зовут? – спросил Егор и, ожидаемо, не получил на свой вопрос ответа. – Мне сначала показалось, что ты Егор.

Сын на это лишь выдохнул небольшое облачко пара в замёрзшее стекло...

- Егорушка, если быть точнее.

- Меня Богданом зовут. А Егорушка – это глупо, - ответил сын. Я еле сдержала улыбку, бросив быстрый взгляд на Егора. Он же в отличие от меня улыбался во все тридцать два. Опять ведь меня подколол. Ну, хотя бы за враньё очередную статью не пришил, и то хлеб...

- Что, Ярослав этот Иванов так, наверное, делал? – Егор отлично изобразил детский истеричный плач, колотя по рулю кулаками, чем вызвал слабый намёк на улыбку Богдана. Я же, пользуясь тем, что сын начал ковырять ногтём наледь на стекле, повернулась к Егору и покрутила пальцем у виска.

- А дружков ты его сколько уложил? Десять, не меньше?

- Троих. – Сын не стал приписывать себе чужих подвигов. – Они первые начали, мама! – Добавил скороговоркой Богдан.

- А что... - я хотела спросить, что произошло, но Егор меня перебил.

- А ты этому Ярославу Иванову так, да? Киинии-яяя, а потом апперкот, а потом с ноги, а потом... - всё, и даже «с ноги» Егор изобразил руками, причём, с такой силой, что воздух в салоне звучно зашевелился.

- Ну, почти, - Богдан засмутился, поглядывая на Егора в салонное зеркало. На меня вот так он никогда не смотрел. Никогда...

- А это? – указал Егор на свой глаз. – Откуда? Пуля-дура?

- Человек-паук. Меня Ярослав им ударил в глаз, пока другие держали. – Голос сына завибрировал, нижняя губа задрожала. Богдан посмотрел на меня и совсем тихо сказал, - а все смеялись и кричали. А ещё Ярик сказал, что я сирота, потому что у меня папы нет. Но у меня же есть папа? Ты же говорила, что он просто военный и на важном задании. А Ярик сказал, что ты всё врешь. Что ты меня не любишь, потому что ты меня последнего всегда забираешь.

Сын смотрел на меня и явно ждал ответа. А я... Я просто не была готова к тому, что именно сегодня настанет тот день, когда мне придётся рассказать сыну правду про ТОГО ДЯДЮ. Тем более не в компании совершенно чужого мужика.

- Где мой папа? – опять повторил сын, теперь уже не скрывая своих слёз.

- Богдан, я... - Ком встал в горле, слёзы полились из глаз.

Что я сейчас могла сказать своему шестилетнему сынишке? Что я и правда его обманывала? Или что он не нужен был своему отцу с самого момента зачатия?

Твою мать!

Посмотрела на Егора, ссутулившегося над рулём и перебирающего по кожаной оплётке большими пальцами. А ведь это именно он во всём виноват. Он!

Он держал меня в своей конуре несколько часов, пока над моим сыном издевались все, кому не лень. Затем на собрании строили показательную моральную порку.

Ненавижу!

Вся та нелепая благодарность за то, что следователь вроде как меня освободил, прошла. Чёрт, как он смог так быстро промыть мне мозги?! А ведь я и правда хотела его отблагодарить, что подвёз, и вообще... Скотина! Ненавижу!

Стокгольмский синдром вылечился моментально, стоило мне ещё раз посмотреть на горько плачущего сына...

Эмоций было уже не сдержать. Я вновь повернулась к Егору.

- Доволен?! Добился, чего хотел?! – В сердцах бросила я. – Надеюсь, ты скоро сроднишься с той землёй кладбищенской! Самое для тебя место!

Богдан перестал плакать, а Егор перестал барабанить по рулю. Повернулся и посмотрел на меня, прожигая холодом.

- Всё сказала?

- Нет! Ещё не всё! Спасибо, козёл! Ты сделал мой день! – проорала ему в лицо. Открыла дверь. Оббежала машину. – Вылезай, Богдан! Быстро! - сказала я резче, чем сама того хотела. Сын вытер нос рукавом и отстегнул ремень.

- До свидания, - сказал он Егору.

Тот равнодушно бросил через плечо:

- Пока.

Пока, твою мать?! Пока?!

Богдан шагнул на подножку и, игнорируя моё присутствие, спрыгнул в снег...

- Богдан! – позвала я сына, упрямо убегающего вверх по лестнице. Длинный балахон и калоши не давали возможности взять разгон на низком старте, не рискуя при этом пробуравить лестничный пролёт своим носом.

Каждая ступенька давалась мне всё тяжелее, ещё больше разделяя с сыном. На третьем этаже я уже потеряла всякую надежду догнать Богдана, еле переводя дыхание. Видимо, у меня шестая передача включалась только в экстренных случаях. Или же я просто растратила весь свой энергетический запас на орущего ошпаренного следователя...

Наша квартира располагалась на пятом этаже, но я остановилась на четвёртом.

С трудом растянула губы в улыбку прежде чем нажать на кнопку дверного звонка.

- Кто?

- Это Ира, тётъ Маш. – Соседка этажом ниже открыла дверь. Привычный запах свежей сдобы заполнил всё пространство лестничной клетки. Я втянула в себя этот запах, вспоминая, что сегодня и не ела ничего.

Приветливая улыбка сошла с губ женщины.

- Что-то случилось, Ирочка?

- Всё нормально, тётъ Маш. На работе корпоратив был. – В очередной раз соврала я. И от этого стало только поганей на душе. Наверное, не стой сейчас сын у двери этажом выше, я бы рассказала всё-всё, дабы вдоволь поплакаться на участливом соседском плече. – Сумку на работе забыла. Тётъ Маш, дайте мне, пожалуйста, ключи от квартиры. Я завтра сумку заберу и вам принесу.

- Конечно, Ирочка. Да ты проходи, не стой в дверях.

- Меня Богдан ждёт, я тут постою... - И опять невыплаканный ком в горле дал о себе знать. Внутри всё сжалось и зафиксировалось. В носу защипало, но я стоически продолжала улыбаться, вспомнив при этом, как у Богдана тряслась нижняя губа. Вот и мою сейчас так же потряхивало...

- Минуточку. – Соседка-пенсионерка с необъятно широким диапазоном души исчезла в дверях. Она всегда приходила мне на помощь, и когда болел Богдан, и когда мне приходилось работать в праздничные дни. Вот как в эти новогодние...

Работать-то я работала, только всё впустую. Квартиры не продала, время с сыном не провела... А в сухом остатке жить нам с ним на мой куций оклад ещё целый месяц. Ну как жить – выживать.

Прислушалась. Богдан стоял совсем тихо, разве что пару раз шмыгнул носом. И что делать в этой ситуации? Почему двадцатилетним матерям-одиночкам ещё будучи в роддоме не выдают памятку о том, когда лучше рассказать ребёнку правду об их отсутствующем отце? Это было бы более продуктивно, чем брошюры с молокоотсосами с пятипроцентной скидкой...

- Вот, Ирочка, твои ключи. И ещё пирога немного отрезала. – Протянула она мне блюдо с ещё тёплым пирогом с яблочно-брусничной начинкой.

- Спасибо, тётъ Маш. – А у меня дома шаром покати. С вечера, правда, остались макароны с двумя сосисками, да конфеты из новогоднего подарка Богдана к чаю. – Завтра я вам занесу ключи. Ещё раз спасибо.

Одной рукой придерживая блюдо с драгоценной выпечкой, второй – свой уже давно потерявший драгоценность балахон, я поплелась на пятый этаж.

Богдан стоял у двери, насупившись и разглядывая извилистую трещину в прошлогодней побелке хрущёвских стен. Момент эмоциональной открытости прошёл, он вновь замкнулся в себе.

- Богдан, помоги маме, пожалуйста. – Я сунула ему в руки блюдо с пирогом, малодушно рассчитывая на то, что совместное усердие и труд, так сказать, всё перетрут. Ещё бы и мне найти правильные слова для сына, чтобы всё «перетереть»...

Богдан на меня даже не взглянул, но к пирогу принялся. Всё-таки верно говорят, что путь к сердцу любого мужчины лежит через его желудок. Только вот совершенно обыденные макароны с сосисками под гастрономический подхалимаж навряд ли подошли бы. Ладно, сегодня поедим пирог, а завтра я обязательно что-нибудь приготовлю эдакое...

Открыла дверь, пропустила сына вперёд.

Богдан поставил пирог на пуфик, разулся, снял пуховик и дутые штаны на лямках. Всё это разместил на специально отведённый под его одежду гвоздик. Так ничего мне не сказав, направился в свою комнату нашей «евродвушки».

Ну как евродвушки... Когда сын стал постарше, пришлось перекроить тридцать квадратов однокомнатной квартиры, чтобы выделить каждому из нас свой уголок. Вместо кухни появилась детская со спрятанным в шкафу коленом под слив, а вместо комнаты появилась кухня-студия с моим раскладным спальным местом и кухонными шкафчиками. Без переноса мокрой точки – будь неладен мой рабочий жаргон... Подвод воды я делать не стала по причине безденежья, поэтому и посуду приходилось мыть в ванной.

Эти шесть квадратов – единственное, что я смогла к своим двадцати шести годам сделать для сына...

- Богдан, можно я зайду? - Открыла дверь, так и не получив ответа.

Богдан сидел на полу и рисовал в альбоме, который ему подарил Дед Мороз. Да, совсем обнищал бородатый, раз не исполнил ничего из того письма, что я до сих пор таскала в сумке, так и не решившись выбросить. Пусть злополучный человек-паук, ужасающий Хаги-ваги и непонятное чудо мироздания - «ПАПА» станут волшебным пенделем под мой материнский зад. В следующем году всё будет не так. По последнему пункту, конечно, без изменений, но игрушки я сыну куплю...

- Богдан, можно я с тобой посижу? – Сын пожал плечами. Ладно, хоть какая-то реакция. – Что ты рисуешь? Машинку? Очень красивая. Может быть, раскрасим её жёлтым?

- Пусть будет белая, - ответил Богдан, старательно вырисовывая овальное колесо. – Как у дяди.

- Как у того дяди, который нас сегодня подвозил? – догадалась, но решила переспросить.

- Да. А почему ты так сильно кричала на него, мама? Он плохо себя вёл?

Эммм... Он определённо себя плохо вёл, но сказать такое сыну я не могла.

- Я просто немного расстроилась, Богдаш, что тебя сегодня в садике обидели. Ты мне всегда говори, если такое происходит, хорошо? Ничего от меня не скрывай. – Да, да, кто бы говорил.

- А... па... - начал было формировать свой вопрос сын, но запнулся на заветном слове «папа» от которого у меня начинали холодеть все конечности. В эти моменты во мне всегда возникало мстительное желание почтить Сидорова Романа минутой молчания – пусть этому козлу и дальше живётся на широкую ногу...

- Я не знаю, Богдан, где твой папа. – Честно ответила я. Врать было бесполезно. Сын ни за что бы не поверил в мою очередную ложь про папу-военного.

- Может быть, он просто обо мне не знает, мам?

- Может быть.

- А если бы папа, – меня опять передёрнуло, - узнал обо мне, он бы пришёл?

- Если бы он знал, какой ты у меня замечательный сынок, то тут же пришёл бы к тебе. – Твою ж мать! Я опять соврала сыну, оставив в нём крупицу надежды, что узнай о нём, его отец тут же прискачет исполнять свой родительский долг, держа в зубах человека-паука, с разлетающимся за спиной Хаги-ваги на манер супергероя...

Возможно, хотя бы на этот раз ложь была во спасение...

Я как раз обтирала полотенцем вымытое до скрипа блюдо из-под пирога, когда в дверь постучали. Нисколько не удивилась увидев на пороге подругу. Каким образом она преодолела все пять этажей на своих ходулях я не имела представления, но как к порогу подоспел здоровенный пакет было понятно.

- Здравствуйте, - сказала я низкорослому мужчине, восточную кровь в котором выдавала густая борода, цепкий чёрный взгляд и уверенные улыбки, которыми он щедро сдабривал мою подругу.

- Вазген, занесите пакет в квартиру. Нам, двум слабым женщинам, такое не под силу, а вы так и пышете здоровьем. Коса и сажень... - Я с сомнением оглядела стоявшего на пороге компактного мужичка, почему-то вспомнив при этом Егора. Вот за кого было приятно подержаться даже в тот момент, когда он придавливает тебя к снежной наледи собственным телом. - Спасибо! Что бы мы без вас делали?! Сколько я должна за вашу бесценную помощь? – Подруга хлопала длинными искусственными ресницами, умудрилась, стоя на костылях, взбить волосы цвета воронова крыла и посмотреть на мужика своими чернящими глазами так, будто сняла вилкой пробу с его души. Именно этот покоряющий и прошивающий насквозь взгляд и принёс подруге популярность в ведьмовской иерархии...

Господи, но почему я не могу быть вот такой? Это же сколько денег каждый день можно экономить, если уметь правильно надавить на слабые точки в мужской экосистеме. Ленка могла так воодушевить мужиков на подвиги, что они вполне себе радостно исполняли её «просьбы», причём совершенно бескорыстно. Вот и этот очередной извозчик ушёл, ошастливленный на прощанье поощрительной улыбкой, без единого рубля в кармане...

- Ирка, я не знала, ей Богу! – сказала она, как только за Вазгеном закрылась дверь. – Я уже и всех знакомых адвокатов обзвонила, и Антонине Дмитриевне набирала. Пришлось сказать, что по снятию венца безбрачия ты у нас в городе самый крутой специалист, поэтому я и обратилась за твоей помощью. Ну кто бы знал, а? Сильно он тебя?

- Сильно он меня что? – переспросила я, наблюдая за тем, как подруга воюет со своей норковой шубой, пытаясь параллельно с этим ещё и с костылями совладать. – Дай, помогу. Да тихо ты, я Богдана только что уложила. Он сегодня в садике подрался.

- Да ты что?! Из-за чего?

- Из-за того, что у него папы нет. Ленка, он так плакал! Ты даже не представляешь! – Позволила закипевшим слезам беспрепятственно сбежать по щекам. - И воспиталка наша... Представляешь, ещё же на родительском собрании устроила разбирательство по случаю драки. Без меня!

- Вот же сволочь, а! И что планируешь делать?

Я подхватила пакет, стараясь при этом не шуметь и не задеть костыли подруги.

- Проходи, присаживайся к столу. – Я водрузила пакет на кухонную столешницу, помогла подруге усесться, чтобы та своими костылями не поносила мне маломальскую мебель. Сама заняла свободный стул. - Завтра позвоню родителям мальчика. Егор воспиталку статьёй на место поставил, она вроде бы испугалась. Возможно, теперь станет благосклонней к Богдану относиться...

- Стопэ, подруга. Егор? В смысле, тот самый Егор? С серыми глазами и голубоватым венцом безбрачия?

- Что-что, а венец у него точно не голубой.

- Да ладно?! Серьёзно?! Вот это поистине приятная новость. А я голову ломаю, отчего он так тебя всё время глазами поедом ел, да в бусы носом тыкался. Даже сама поверила, что сработал заговор-то. Спасибо тем гениям, кто придумал видеокамеры. – Подруга указала на телефон.

Что же, это было вполне ожидаемо. К Ленке в квартиру был вхож разный люд, раз на раз могло не прийти. А табличка с надписью «ведётся видеонаблюдение» всё-таки оберегала от разного рода человеческих глупостей, будь то kleптомания или, скажем, вандализм. Только на следователя, угрожавшего мне смертельной расплатой, данная магия не сработала...

- Поедом он меня ел тогда, когда хотел на все двадцать пять засадить.

- В смысле, он тебе похвастался таким образом своим большим... авторитетом?

Я против воли покраснела. На момент озвучивания следователем сей угрозы я тоже думала в таком же ключе. Правда, он потом быстро меня разубедил, окончательно запутав своими тактиками ведения допроса.

- Из большого в нём только знание уголовного кодекса. – Остальное подруге знать было не обязательно. Хотя, в момент нашего валяния с Егором в снегу я определённо ощущала потенциал, который, в более... тёплых условиях мог бы приятно удивить... - И не ел он меня вовсе.

- Ой, подруга, ты мужика-то когда в последний раз нюхала, а? Не ел он её!

- Ленка, я своё уже отнюхалась. Вон, сын без отца растёт, ещё из сада синяки из-за этого козла приносит.

- Эй, нет. То был плохой мужик, он давал неправильный мёд. А надо нормального понюхать.

От Егора очень приятно пахло...

Твою мать, о чём я сейчас думаю, а?!

- Слушай, Ир, а ты кстати, почему заклинание читала стоя к нему своими эммм... лицом? Я же тебе говорила, что надо за спиной стоять и воск в чашку с водой сливать. А ты чего там выделявала? Ноги она ему развела, бусы в лицо сунула, тазом по голове огрела...

- Что?! – Перебила я подругу, подскакивая со стула. - Ты мне не так говорила... – зашипела я, чтобы не закричать. – Ты же мне сама сказала никогда не прерывать зрительского контакта с клиентом. Вот я и не прерывала.

- Ну да, как и он не прерывал контакта с твоими большими... глазами. Нет, ты всё-таки должна сама это увидеть. Ир, сядь, а. У меня уже голова закружилась от тебя. Давай лучше видео посмотрим.

- Что посмотрим? – Не поняла я сразу.

- Ну как, запись твоего ритуала снятия венца безбрачия, конечно. Я и попкорн купила, и ещё много чего. Кстати, в пакете твоя сумка и телефон. Ну и для сугреву немножко.

Видимо, с сугреву и стоило начать, чтобы пережить повторно весь тот ужас, который я вытворяла с бедным следователем, стягивая с него фантомный венец безбрачия...

Глава 4

- О, Егор Дмитрич, сколько лет, сколько зим! – Огляделся. У входа в ресторан стояла компания, возглавляемая моим зятем.

- Здоров, Сан Саныч! – Крепко сжал протянутую руку.

- Мужики, это мой шурин - Егор Дмитрич. Прошу любить и жаловать. – Весьма раздобревший к вечеру Сан Саныч начал поочерёдно представлять меня своей компании.

С некоторыми я уже был знаком заочно – имелись у них грешки перед законом. Да и у остальных, думается, спрятан был не один скелет в шкафу. Даже у моего зятя – депутата городской думы. Как принято считать в наших кругах – безгрешных людей во власти не бывает. Каждый поднимался с чего-то. Сан Саныч неплохо жил в девяностые-двухтысячные на контрабанде – пробил его в своё время по базе. В те года он был под конкретным колпаком, но смог откупиться, а сейчас уже и не подкопаешься – невинен как агнец...

- Так, всё, мужики, хватит яйца морозить, заходим в ресторан. – Скомандовал Сан Саныч.

- Антонина там тебя заждалась, Егор Дмитрич. Переживала, что уже не придёшь.

Признаться, такая мысль меня посещала. С сестрой мы возобновили отношения совсем недавно. Прошло не больше полугода с похорон нашей матери, где мы встретились с Тонькой в первый раз за двадцать лет после развода родителей. С тех пор она вцепилась в меня как проснувшийся весной голодный клещ...

Честно сказать, я уже начал порядком уставать от семейных посиделок и ресторанных гуляний. Сегодня, правда, был не тот день, когда можно было бы прошланговать. Тоньке исполнилось тридцать пять лет...

Из банкетного зала вовсю лилась музыка, доносился дружный смех и хлопали вылетающие пробки из бутылок с игристым. Праздник шёл полным ходом уже четыре часа к ряду.

Я вошёл в зал, отыскивая глазами сестру. Увидел её в плотном кольце женской компании, откуда постоянно доносились взрывы смеха.

- Егорушка! – Моё присутствие было обнаружено. Сестра бросилась ко мне, чуть-чуть беря крен вправо.

- Тонька, ты уже на пробку наступить успела что ли?

- И не на одну, мы уже четыре часа сидим. Почему опаздываешь, братец? – Сестра поставила брови домиком и надула губы, усердно разыгрывая обиду. С возрастом она всё больше походила на маму, если мои детские воспоминания меня не обманывали. Тёмные волосы, серые глаза, округлое лицо с маленьким подбородком и носом-кнопкой.

- Работа задержала. Держи, это тебе. – Протянул сестре цветы и сертификат в ювелирку.

- Вот что ты за человек, а? Нет бы, взять слово и пожелать сестре всяких приятностей.

- Здоровья. Счастья. С днём рождения. Пух. – Поцеловал сестру в щёку.

- Жену тебе надо, Егор, чтобы научила тебя уму-разуму.

Начинается...

- Кто на этот раз? – спросил я, разглядывая цветастую женскую компанию. Обычно мне с лёгкостью удавалось угадать, кого в очередной раз для меня приволокла сестра.

- Катюша... - Сестра продолжила что-то говорить, я же принялся разглядывать женщин. Вызов моей следовательской чуйке был брошен.

Катюша, значит...

- Красное платье, где всё наружу, тёмные распущенные волосы, губы как у утки, брови как у Сталина, и щётка для обуви вместо ресниц. Она?

- Ну, Егор! Почему ты такой сноб? Нормальная девочка. Ну подделала себя немного. Может, она ради тебя старалась?

- Ради меня? Тонь, так меня разве этим удивишь? Я каждый день такую же Катюшу оформляю за оказание интимных услуг. А такие добрые самаритянки как ты идут по статье двести сорок первой за организацию занятий проституцией.

- Дуралей! – Тонька ударила меня в плечо. – Я же для тебя стараюсь. Та не такая, эта не такая. Жениться давно пора, уже тридцать три, а ты всё один. Пошли, я вас познакомлю. А вдруг это твоя судьба...

Уже через десять минут общения с Катюшей мне захотелось вернуться в отдел, а через двадцать – воспользоваться табельным.

Обвёл взглядом большой зал. Супружеские пары легко считывались, но ещё легче угадывались те, кто пришёл в ресторан не со своими дровами. Рядом со многими уже сидящими и заплывающими возрастным холестерином мужиками сидели вот такие же заделанные куклы.

Я вновь посмотрел на свою «судьбу». Честно говоря, после пятого тоста она не казалась уже такой страшной. Возможно, даже накаченные губы смогли бы скрасить сегодняшний вечер...

- Потанцуем? – перебил девчонку, рассказывающую мне про процедуру подкачки век. В двадцать три года то?

Катка тут же захлопнула рот и попыталась растянуть губы в улыбке. Из этой попытки мало что получилось – её лицо осталось без изменений. Всё время одинаковое будто удивлённое выражение только раздрадило желание опробовать её губы на упругость...

Песня играла подвижная, но я навязал своей спутнице размеренный темп – так было удобнее прощупать как физические формы, так и готовность пойти со мной в туалет.

- Катя, Катерина, эх душа, до чего ты, Катя, хороша, - подпел я бьющей из мощной акустики песне, прижавшись к самому девичьему ушку. Прикусил мочку, опустил одну руку ниже талии и сжал упругую ягодицу. Катка не взбрыкнула, только жеманно захихикала. Значит, уже готова к следующему шагу. – Составишь мне компанию? – Кивнул в ту сторону, где располагался туалет.

Думал, что девчонка поломается для проформы, но она согласилась сразу же.

В туалете никого не оказалось, что меня очень порадовало. Каткина безотказность заводила, по крайней мере сейчас.

Я закрыл дверь на щеколду. Чмокнул подставленные губы. Не понравилось.

- Давай, Катюш, - надавил ей на плечи. И опять она не отказалась, опускаясь на колени. Ширкнул замок на ширинке. Прохлада сменилась горячей влагой. Я посмотрел вниз, оценивая накаченные губы в действии. Ассоциация не заставила себя долго ждать. Не так давно мы накрыли контрабанду специфических игрушек с возрастным цензом. Среди них была точь-в-точь такая же резиновая кукла...

- Давай, Катюха, - подбодрил свою «судьбу» ещё раз. – Вот так. – Должен же я получить компенсацию за то, что слушал весь тот бред...

Всё-таки нет повести приятнее на свете, чем пьяная баба на коленях в туалете...

Катку я, естественное дело, похвалил за старания. Даже ещё раз с ней потанцевал, но когда она начала намекать на то, что свободна для новых отношений, сбежал.

Ни новые, ни старые отношения меня не интересовали. Я вообще зарёкся заводить когда-либо семью, используя опыт своих родителей как железобетонную основу для такого решения. Они прожили в браке почти шестнадцать лет, из которых в мире от силы пять. Потом пошли ссоры из-за постоянной занятости отца-следователя на работе, которая не приносила в дом больших денег. Вместе их держали только мы с сестрой, но и то непрочно. Мама всё чаще ходила гулять к подружкам, а потом и не к подружкам. В общем, она нашла для себя более выигрышную партию, за что я её практически возненавидел. Поэтому, после развода я решил остаться с отцом.

Мать вскоре официально вышла замуж за денежный заплывший жиром мешок. Роскошь затуманила сестринские глаза. Звонки сократились до разовых – по праздникам. После этого я с лёгкостью вычеркнул из своей жизни сразу их обеих, в грубой форме попросив больше меня не беспокоить...

Отец полностью ударился в работу, меня же определил на всевозможные спортивные секции, чтобы в его отсутствие дурью не маялся. После окончания школы через своих знакомых он засунул меня в ментовскую вышку, по окончании которой я пошёл по его следовательским стопам...

Сейчас, спустя столько лет, моя жизнь немного устаканилась. Возможно, где-то благодаря Антонине. Мы оба стали взрослее, взгляды поменялись. Да и в сестринских чувствах ко мне я не усомнился – ложь я чувал всегда...

Женить меня хоть на ком-нибудь стало Тонькиной идеей фикс. На каждый праздник для меня была припасена новая баба. Да, были и красивые, не спору, но так, чтобы яйца всмятку – ни одной...

А впереди ждал ещё Новый год и Рождество... Даже не было сомнений, что сестра опять кого-нибудь притащит...

Знал бы я тогда, что потащусь сам, да ещё буду гоняться по улицам за одной засранкой с большими рябиновыми бусами, поддался бы на уговоры Катьки... С этой резиновой было всё как-то понятней...

Глава 5

На Новый год была Саша, на Рождество Маша, а восьмого числа Глафира Урсуловна Кво из культа Геены огненной десятого ранга рассветной тьмы обладательница печати невесты дьявола...

Так представилась мне девушка, бросая острые взгляды из-под кудрявого слишком большого для её головы парика, загораживая собой вход в квартиру. Именно по её мошенническую душу я сюда и явился. Вчера Сан Саныч отвёл меня от общего стола и стал с пеной у рта бить тревогу, рассказав, что моя сестра подсела на ведьмовскую чертовщину, и надо бы разобраться с синдикатом, пока она из квартиры последнее не вынесла. Сказал, что Тонька должна будет пойти на очередной шабаш завтра к часу дня по такому-то адресу. Естественно, я приехал раньше, чтобы вывести ряженую Бабой Ягой мошенницу на чистую воду до прихода сестры...

- Вы рано, Егор Дмитриевич. Вам назначено только через час. – На этом моменте мне стоило задуматься, каким таким образом Глафира и иже с ней знала, что к ней приду именно я, а не моя сестра. Но тут на глаза попали бусы... - У меня ещё не всё готово для обряда. Приходите через час. – Ведьма воинственно выпятила грудь, и начала было закрывать передо мной дверь. Удалось в последнюю секунду просунуть ногу в тесный проём.

- Мне срочно надо. Уже нет сил ждать.

- Неужели так уж сильно припекло? – ответила она ни без доли сарказма.

- Я заплачу за срочность сверху, - сказал я, определённо попадая в цель. Глафира оказалась жадной до денег, хоть с неохотой, но всё же впустила в квартиру.

- Можете не разуваться, - разрешила гостеприимная ведьма, сдунув с лица кудрявый чёрный локон. – Пуховик сюда повешайте. Вискас, фу! – отпихнула ногой пушистого чёрного кота. Чихнула. Потом пошлёпала в хлюпающих калошах к столу, покрытому скатертью в цвет кошки. Уселась на большой деревянный резной стул. Согнала ещё одного жирного только уже рыжего кота со стола на пол, чихнув при этом несколько раз.

И на что только не идут эти ведьмы, чтобы втереться в доверие наивным бабам!... Тут же аллергия налицо, но всё равно кошками обвешалась, изображая из себя матёрую Бабу Ягу.

- Присаживайтесь к столу, Егор Дмитриевич. - Указала мне на стул, всё ещё недовольно поджимая губы. Ну что же, я застал её врасплох, как того и планировал.

Ведьма взяла колоду карт и стала их хаотично мешать, продолжая за мной внимательно наблюдать.

Несвязные нервные движения её рук приводили к тому, что из колоды то и дело выпадала очередная картинка. Будь на моём месте верующая во всю эту хрень сестра, то она уже бежала бы к юристу составлять завещание, так как сейчас рубашкой вниз на чёрной скатерти лежала карта смерти. Я хоть и далёк был от такого рода развлечений, но старуху с косой мог узнать и без специального на то обучения...

- Егор Дмитриевич, вытяните карту. – Её рука подрагивала, мне пришлось зафиксировать её своей, чтобы достать из колоды карту. – Тут двое мужчин с кубками стоят, взявшись за руки, а над головой у них львиная голова с крыльями. – Считала она с картинки. Несколько раз надавила пальцем на ухо, как будто поправляя наушник. – Я говорю, двое мужиков с кубками стоят, держатся за руки, а над головой у них львиная башка с крыльями.

- Потеряли связь с астралом, Глафира Урсуловна Кво из культа Геены огненной десятого ранга рассветной тьмы обладательница печати невесты дьявола?

- Гадание на картах очень тонкая наука, Егор Дмитриевич. И судя по этой карте не всё то у вас в порядке.

- Ну так я же поэтому к вам и пришёл. Самому то уже никак с этим недугом не справиться.

Ведьма стрельнула в меня глазами. Ничего, ещё немного её помуржу, а потом доставлю в отделение...

- Слишком большая зависимость, карты уже не помогут вам, - сказала она, выдвинув ящик стола. Достала из него чёрную свечку. Поискала что-то ещё. Беззвучно чертыхнулась.

- Может, огоньком поделиться? – предложил я свою помощь, достав из кармана джинсов зажигалку. Глафира, или кем бы она там ни была, соскребла зажигалку со стола, не сказав при этом ни слова. Понятно, ведьмам воспитание не свойственно.

Зажигалка полыхнула заревом, перебрасывая свой огонёк на свечной фитиль...

- Егор Дмитриевич, сейчас я вас окуривать буду, важно, чтобы вы не шевелились. – Она обошла стол. – Ноги раздвиньте. Ещё шире. А теперь расслабьтесь и закройте глаза...

Закреть глаза?! Сейчас, когда о мой нос трётся мягкая грудь? Глаза улавливают линии тонкого белья, а губ касается холодный камень... Твою мать, я что и правда только что лизнул рябиновую бусину?!

- Уходи хворь с Егора Дмитриевича! – начала подвывать замогильным голосом над моей головой ведьма. – Не двигайтесь, Егор Дмитриевич! Уходи хвоооорь...

- Егор Дмитриевич!? Егор Дмитрич! – Ведьма щёлкнула пальцами перед моим лицом, то ли привлекая внимание к себе, то ли наоборот отвлекая. Поднял голову.

- Что?

- Я спрашиваю, вам полегчало, Егор Дмитриевич?

- Не особо, Глаша, - сказал как можно мягче, решая с какого боку к этой ведьме лучше всего будет подстроиться. Задержать я её и позже смогу. В любом случае, ещё мало доказательств.

- А что вы сейчас чувствуете, Егор Дмитриевич? – участливо спросила она, рассматривая моё лицо.

- Давит, Глашенька, - улыбнулся. Ведьма то не глупая оказалась, сговорчивая. Вон как глазищами своими стреляет...

- Давит? Венец, видимо, зашевелился.

- Определённо зашевелился. – Это ещё мягко сказано. Плотные джинсы уже конкретно всё сдавили. Хотел яйца всмятку-получай. Откинулся на стуле, раздвинул ноги ещё шире, хоть так давая себе свободу. Ничего, ещё немного поиграем. Ведьма явно была не против, понимая так улыбаясь. Если она будет себя хорошо вести, то отделается от меня устным предупреждением. - И что мы теперь с этим делать будем, Глаша? – Похлопал себя по коленям, приглашая сесть. Её я хотел взять так, чтобы видеть эти хреновы... бусы.

Глафира Урсуловна Кво из культа Геены огненной десятого ранга рассветной тьмы обладательница печати невесты дьявола задумалась. Начала загибать пальцы будто что-то перебирая в уме. Потом хлопнула себя по лбу.

- Вспомнила. Сливать надо с вас, Егор Дмитриевич. – В ответ на её радостный взглас так и хотелось проорать: Аллилуйя.

- Это ты правильно мыслишь, Глашенька, - похвалил ведьму, представив, как задираю на ней чёртов балахон.

Пришлось ещё ниже сползти на стуле. Слить с меня надо было срочно...

- Что-то вы вспотели, Егор Дмитрич. Сейчас мы с вас сольём всю пакость, не переживайте. Так, пока вот, свечку подержите. Я быстренько. – Ведьма сунула мне в руки свечу. Сама, шлёпая калошами, побежала в другую комнату.

Может, там спальня? Так оно даже сподручней будет.

Глафира вернулась с тарелкой в руках. Глянула на меня, потом на посудину.

- Маловато будет. – Побежала обратно.

Понятно, решила доиграть свою роль до конца. Ну что же, так даже интересней.

- Глаш! - Позвал её. Вместо ответа услышал отчётливые звуки стекающей воды. Подмыться побежала что ли?

Задул свечу. Бросил её на стол. Встал. Оправил джинсы...

Может, пойти помочь?

Не успел я додумать эту мысль, как услышал знакомые шаркающие шаги.

- Егор Дмитрич, а вот и я. – Ведьма забежала в комнату с большим алюминиевым тазом в руках. – Садитесь. Что-то вы совсем плохо выглядите. А свечку зачем потушили? Егор Дмитрич, нельзя же было ритуал прерывать! Сейчас придётся всё заново...

- Глашенька, а может сразу сольём, а? Зачем нам с тобой тазы да свечи? - Сказал я миролюбиво, хотя внутри всё начало закипать. Ролевые игры хороши, когда специально растягиваешь удовольствие до момента кульминации. Я больше тянуть не мог. Хрен с той спальней, уже подойдёт и этот стол...

- Сейчас сольём, Егор Дмитриевич. Потерпите ещё немного. Садитесь, садитесь.

- Глаш, так может мне помочь тебе чем? Снять что?...

- Зачем, Егор Дмитрич? Всё сейчас сделаем, всё снимем. Вы просто сидите смирно. Да сядьте уже!

А у ведьмы, оказывается, и голос имеется...

Ладно, чёрт с тобой. Сама так сама.

Сел на стул, сразу принимая более удобную позицию. На этот раз ведьме не нужно было просить раздвинуть ноги, места было предостаточно.

- Чёрт, свечку забыла. Егор Дмитрич, подержите. – Она сунула мне в руки таз с ледяной водой, и потянулась через меня к столу. Буквально возложила свои... бусы на моё плечо.

Засранка, твою мать!

Провоцировала она меня специально, в этом я уже не сомневался. Иначе зачем все эти притирки телами...

Чиркнула зажигалка, потянуло запахом воска.

Ведьма вернулась на исходную позицию, смотря на меня сквозь пламя свечи. Вконец уже заигралась...

- Давайте таз, Егор Дмитриевич. – Взять его одной рукой у ведьмы получилось не сразу. Немного повоевав, она-таки перехватила таз подмышкой, прижав его к себе. – Так, а сейчас сидите смирно. Я на вас немного облокочусь, Егор Дмитриевич. Роста не хватает. - сказала она, упираясь коленкой о стул, задевая при этом ширинку. Но это было ещё полбеда. Перед глазами опять замелькали бусы...

Ведьма начала напевать знакомый мотив, но сейчас я был не в состоянии на нём сосредоточиться. Дышала она сейчас с надрывом – таз был тяжёлым. По этой же причине она немного вспотела. Балахон прилип к её телу, давая мне всё больше возможностей разглядеть всё, что находилось под ним.

Бюстгальтер на ней был совсем тонкий, судя по всему белый. Если сильно напрячь глаза, то можно было разглядеть более тёмные круги под самыми бусами.

- Ой, - покачнулась она, ударяя меня при этом тазом по голове. – Егор Дмитриевич, потерпите, так надо. С вас начало сливаться. Ой...

Твою мать!

Только эти хреновы гипнотизирующие круги и удерживали меня на этом стуле...

- Ой!

- Глашенька, а воск на водолазке тоже предусматривается обрядом?

- Егор Дмитрич, в вас очень много скопилось, вот и брызжет во все стороны. Сейчас я таз уберу и маслом ещё, ну, чтобы легче пошло... Ой.

- Да дай уже этот чёртов таз сюда, пока голову мне не зашибла!

- Егор Дмитриевич, ещё немного осталось. Потерпите, голубчик. Вы даже не представляете, как вам потом хорошо станет. Вы не переживайте, я всё сделаю в лучшем виде.

Ладно, это успокаивает... Пусть ещё немного поиграет.

- Да терплю я, Глаш, терплю. Тащи уже своё масло. – Смажу твою ведьмовскую...

- Подержите. – Опять у меня в руках оказалась свеча, а ведьма зашуршала в смежную комнату. Вернулась с ложкой, в которой уже было налито что-то коричневое.

- Горчичное масло. – сказала она, и на пол упало несколько капель.

Уже тогда было понятно, что подпускать эту ведьму к себе было сверх безрассудства, но я ждал кульминации. Остальное меня уже не волновало.

Глафира взяла у меня свечку, опять подошла вплотную, опять сунула мне в лицо бусы. И в тот момент, когда я решил, что уже можно пустить в ход руки, ведьма завалы на всю квартиру:

- Ухооооди хвоооорь. Уходиии... Аааа-пчхи...

Глава 6

- Да тихо ты! Тихо! Богдана разбудишь! – зашипела я на подругу, которая пыталась задавить свой хохот подушкой.

- Я... Ой... Фсёёё... - Ленка опять упала на диван ниц, уже не переживая о наращенных ресницах и загипсованной ноге. Подушка хоть немного, но заглушила смех, уже перешедший в истеричное повизгивание.

Я и сама еле сдержалась. Кто ж мог знать, что смотреть запись снятия венца безбрачия окажется таким весёлым занятием. Совсем другое ощущение, когда принимаешь в этом процессе непосредственное участие...

- Это... Просто... Мой... Самый... Любимый... Момент... – Подруга вот уже в четвёртый раз сдвинула бегунок левее, перематывая на тот момент, когда я своим чихом расплескала нагретое пламенем свечи масло на Егора.

Быть может, знай я тогда, что его руки находятся в области моих ягодич, так сильно не переживала бы о нанесённых ему увечьях. Или наоборот...

В общем, тогда я видела неполную картину - лишь посеревшие от злости глаза, скривившийся рот и... О Боже, как же он орал! Думала, душу вытрясет из меня там же. Поэтому и сделала то единственное, на что была способна, ополоумев от страха – побежала, хватая всё, что попадётся под руку, и пиная всё, что попадётся под ногу. Бедные кошки, да...

Видео с моим участием обрывалось на лестничной площадке, когда я галопом понеслась вниз по ступенькам, боязно озираясь. Егор же ещё несколько секунд пробыл в кадре. Этого времени мне хватило, чтобы вновь покрыться румянцем.

- Слушай, мать, как ты там-то не увидела, что у него петух запел?

- Кто запел? – рассмеялась я, тут же себя осекая, прижав ладонь ко рту.

- Ну, кто, кто... - подруга кивнула на экран телефона. Так далеко запись мы ещё не смотрели, всё время стопорясь на «её любимом моменте».

Вот Егор тяжело встаёт со стула – словно в замедленной съёмке. Приседает, уперев кулак в пол, опускает голову вниз и зависает в таком положении на несколько секунд. Дышит тяжело – даже через камеру передаётся частота движения его крепких плеч. Встаёт, оттягивает джинсы, взявшись с двух сторон от прорехи...

- Ку-ка-ре-ку, - прокомментировала сей момент подруга.

Теперь, глядя на экран Ленкиного телефона, стало понятно каким таким волшебным образом мне – неподготовленной полторашке в прыжке - удалось оторваться от явно натренированного Егора. Хороший танцор из него не получился бы, видимо, поэтому он и пошёл в следователи (в жизни), на экране же он неторопливо направился в прихожую. Судя по всему, Егор вообще не сомневался, что нагонит меня, давая столько форы...

- А сейчас будет мой не любимый момент, - сказала подруга на этот раз вполне серьёзно. Егор не спеша накинул пуховик.

- Тебе не нравится, когда мужики куртки надевают? – спросила я.

- Смотри дальше. Вот сейчас... – Словно по команде, как будто видео транслировалось в онлайн, Егор поднял голову вверх и посмотрел прямо на нас. На меня. И неспешно так растянул губы в улыбке. – Меня опять пробрало до мурашек. – Подруга выставила вперёд свои руки, демонстрируя стоявший частоколом пушок.

- Меня тоже. – Я нисколько не лукавила, останавливая видео.

- Так, мне срочно нужно согреться. Тащи сюда бокалы.

В этом вопросе я была солидарна с подругой, только причинно-следственная связь была другая. Сердце грохотало где-то в горле, рассматривая мужское лицо в экране телефона.

- Хорош, чертяга! – дала свою оценку Ленка.

- Ну, не то чтобы страшный, - отмахнулась я, разглядывая нагло ухмыляющееся мужское лицо. – Правда, сейчас фингалом подсвечивает...

- Что?! Ты что ли подредактировала эту мордаху? – Кивнула на телефон.

- Ну а что мне оставалось делать, а? Он же догнал меня за твоим домом, я и убежать-то не успела. В снег повалил. Вот я его и... Калошей приложила.

- Дура ты, Ирка. Нет бы просто дала мужику. И тебе для здоровья, и ему компенсация. Столько терпеть... Нет, ну я всё равно понять не могу, как ты за те полчаса не распознала стояка, а?

- Ты думаешь, я смотрела? Я вообще-то делом занималась...

- Видела я твои дела. Ну хоть лицо ему отполировала. Бусы, кстати, себе оставь. Они тебе явно больше идут.

- Что-то мне подсказывает, что ты и балахон мне подаришь...

- Ну, после ваших брачных игр, даже не удивительно. – Ленка на несколько секунд замолчала. - Слушай, а если я Антонине Дмитриевне покажу запись в качестве доказательства, что голубой налёт счищен с её братца пятёрочной насадкой, а? Может, ещё и премию даст?

- Дурында! Давай спать ложиться, у меня завтра тяжёлый день. Надо родителей в саду разнести, да дедку любимому ещё две квартиры показать.

- Слушай, а может по старой схеме?

- Не тот случай, Лен, но спасибо...

Утро ворвалось в мою евродвушку в прямом смысле с первыми петухами. Будильник, до этого момента приводящий меня в вертикальное положение стандартным сигналом, сейчас горланил как не в себя. Чуть было не навернулась с дивана, потянувшись за телефоном...

- Ленка, ну ты и зараза! – Подруга что-то промычала в ответ, натягивая одеяло на голову. Принимать воздушные ванны осталась только её загипсованная нога.

- Мам, к нам, что, тётя Лена в гости приехала? – Богдан вышел из комнаты, потирая один заспанный глаз. Второй не трогал по понятным причинам.

- Ага, пусть она спит. Иди ко мне. Давай посмотрим твой глазик. Подними голову повыше. Ну, уже почти всё прошло, - соврала я.

- А мне Марьяна сказала, что настоящего мужчину украшают синяки. – Сын гордо вздёрнул нос.

Я не стала поправлять шестилетнюю Марьяну, состоявшую в романтических отношениях с моим сыном ещё с яслей. А то, не дай Бог, к синяку ещё и шрамы добавятся в качестве дополнительных украшений.

- Марьяна права, Богдаш. А ещё настоящего мужчину украшают чистые ушки и белые зубки. Давай, беги в ванную, будем собираться в садик.

- Давай. – Сын пошлёпал в ванну, подгребая слишком длинными пижамными штанами. Я всегда покупала Богдану одежду на вырост...

Мой маленький настоящий мужчина... Когда он родился, то был полной копией своего отца. Говорят, что таким образом природа позаботилась о беспомощных детках, чтобы с первых дней жизни папа души не чаял в своём чаде... К месяцу нашей совместной жизни в сыне не осталось ни единой чёрточки от Ромы. Видимо, уже тогда он понимал, на кого следует полагаться...

Богдан – Богом дан. Да, именно им, а не тем мудаком, что так легко вычеркнул из жизни собственного ребёнка.

Ладно, нечего скулить!

Странно, но именно сегодня я проснулась с давно забытым ощущением, что всё обязательно получится. Выключился режим не понятно зачем бегущего в колесе хомяка. Впереди как будто забрезжила цель, пока до конца не оформленная, но уже такая желанная...

Я встала с дивана и пошла к напольному вешало на манер тех, что стоят в вещевых магазинах. На железной трубе висела вся наша с сыном одежда.

Чем же сегодня мне порадовать моего самого долгоиграющего клиента? Хоть бы успел квартиру продать и купить новую, пока не сменил место жительства с постоянного на вечное под Боярышником. Тьфу-тьфу-тьфу, конечно...

Он же тоже мужик, значит любит глазами. Тем более, в его возрасте больше нечем. – сказала мне вчера Ленка, посоветовав сменить гардероб физички на что-то более интригующее. Легко сказать...

Интересно, вот эта белая блузка, если не застёгивать её под самое горло, сможет заинтриговать старого перд...

- Mam, я всё.

- Хорошо, сынок, беги одевайся. Сегодня в садике на завтрак манная каша. Помнишь? – А я уже точно не успеваю с этим благородным делом, если планирую создать на лице интригу...

- Mam, я всё. – Сын постучал в дверь ванной.

- Сейчас, Богдаш, я уже почти готова, - прокричала я, старательно дорисовывая стрелку. Белая рубашка, волосы в конском хвосте, юбка-карандаш – весь этот антураж требовал гламурную классику на лице. А ещё рябиновых бус, которые, как сказала Ленка, мне очень шли...

- Mam, что мне поделать?

Что поделать, что поделать...

- Богдаш, а нарисуй тёте Лене на гипсе солнышко. Она вчера мне так и сказала, вот бы хорошо, если бы Богдан мне солнце нарисовал.

- Точно? – Вот, одного мужичка я уже смогла заинтриговать, хоть он ещё пока испытывал некие сомнения...

- Точно, Богдаш. Давай быстрее, через пять минут выходим.

- Ладно.

Судя по звукам, сын побежал в комнату за новогодним подарком. Улыбнулась своему отражению. Месть за утреннюю петушиную вакханалию обещает быть сладкой...

Одним солнцем сын не ограничился. Места на гипсе хватило на три счастливых огурца с палочками и точками.

- Это я, это ты, а это папа. А это собака, - сказал Богдан, дорисовывая горизонтального огурца.

Вспомнил всё-таки. А я так надеялась... Может, и правда щенка завести, раз с папой у нас тухляк?...

- Всё, Богдаш, побежали. Опаздываем. – Я влезла в свои позапозапрошлогодние сапоги, Богдан в дутыши. Хорошо, что сын пока не понимает, когда я вот таким вот безобразным образом ухожу от темы...

На улице только-только занимался рассвет. Балом правили крещенские морозы. Я накинула на голову Богдана капюшон, то же сделала и со своим.

Хорошо, что я ещё дома вызвала такси к саду, хоть не придётся ехать на объект общественным транспортом. Сегодня, ещё и в колготках на сто ден, ехать в задубевшем автобусе совсем не хотелось...

Добежали к садику мы быстро. Даже успели на раздачу манной каши.

- Ирина Александровна, доброе утро. – В раздевалку вышла Лидия Григорьевна. – Богдан, давай мы маму отпустим, да? А я тебе помогу раздеться.

- Я сам.

Так, и какая там была статья, а? Надо бы вспомнить, чтобы раз в месяц в профилактических целях напоминать Лидии Григорьевне, что все мы под законом ходим...

Я вчера, вон, почти сделала ходку на двадцать пять. Так сказать, прочувствовала всю мощь закона на себе. Почти...

Щёки обожгло румянцем от потянувших меня во вчерашний день восприманий.

А что бы я сделала увидь, как «поёт петух» Егора? Воспользовалась бы моментом и оседлала голосащего кивина в джинсах?... Он же явно предлагал, когда хлопал себя по коленям. Правда, я этого намёка не поняла тогда. Честно признаться, по мне ни у кого уже так давно даже цыплёнок не вылуплялся, чтобы иметь хоть какую-то программку действий...

Допустим, я бы всё-таки не прошёлкала тот момент. А как же быть с тем, что он хотел меня посадить, и явно не на колени, когда так откровенно издевался в отделении? Насмотревшись вчера на него в записи, я совсем забыла о продолжении в вечернем выпуске... А ведь я была на волоске от тюрьмы.

Вот же дура! Во всём виноват Многолетник-Воздержаниус. Просто мозг решил отфильтровать вчерашние события, оставив в памяти только приятные. А зря...

Фингал под глазом сына, горькие слёзы и равнодушное "пока" – вот что я должна помнить, а не то, что на мои бусы у кого-то там встал. Дура!

- Ирина Александровна...

Чёрт... Опять я выпала из реальности.

- Да, Лидия Григорьевна, спасибо. До вечера, сыночек. – Чмокнула Богдана в раскрасневшуюся с мороза щёчку.

- Не переживайте, Ирина Александровна. Я пригляжу за Богданом.

- Естественно, Лидия Григорьевна, приглядите...

Я вышла из группы, доставая из сумки телефон.

Что ж, теперь пора сделать то, что я наметила для себя вчера. В родительском чате нашла нужный мне контакт.

- Здравствуйте, это мама Богдана. Я звоню вам по поводу вчерашней драки. Нет, это вы меня послушайте...

Я как раз закончила распекать маму Иванова Ярослава, когда на телефон пришло уведомление от службы извоза – машина была подана. Вышла из сада и побежала к кованым воротам.

Из-за мороза даже магнитный ключ сработал не сразу. Хотя я сама холода не чувствовала – слишком горячий разговор получился у меня с мамой Ярослава. Вот, даже пуховик не застегнула, впитывая в себя успокаивающую свежесть...

Разглядела на парковке нужную мне машину, и побежала к ней.

- Глафира! – окликнул знакомый голос...

Накатанная дорога, стёртая подошва на сапогах, и не весть откуда взявшийся Егор сделали своё дело – я исполнила тройной аксель и повалилась в снег...

Спасительная темнота, созданная накрывшим меня капюшоном, дала несколько секунд на подумать.

На кой он здесь? На этом время закончилось...

- Глаш, ты как там? Живая?

Интересно, а имеется ли хоть какая-то вероятность, что он меня не заметил? Может, если прикинуться бревном...

- Ей, Ир, живая?! – В моём укрытии резко посветлело – Егор откинул капюшон. – Ты, кстати, на жёлтый снег свалилась.

Тьфу...

Вытерла подбородок, которым хорошо так вошла в снег. Белый, кстати.

- Давай помогу. Сегодня мне здоровье не позволяет в снегу с тобой барахтаться.

- А что так, Егор Дмитрич? – спросила я присевшего на корточки рядом со мной следователя.

- Да что-то, знаешь, в паху со вчерашнего дня побаливает. Может, Глаш, ты там не дослила чего, м? Или нужно нашептать там заклинание какое на болючее место?

- А может, нужно джинсы носить попросторней, Егор Дмитрич? Я вот, например, с этого ракурса прекрасно вижу левша вы или правша. – Приняла его руку, так как самой вылезти из вязкого сугроба просто не получалось.

- Какой у тебя глаз намётанный, Ир. Ну что, пошепчешь? Сольёшь?

Издевается или серьёзно? А ведь даже и не улыбается... Как его понять?

- А давайте, Егор Дмитрич, пошепчу. – Поманила его пальчиком к себе. Подцепила подбитый лисой капюшон. Притянула следователя к себе, не забыв при этом его понюхать, чтобы потом с гордостью сказать Ленке, что в восемь сорок утра девятого января я-таки нюхнула мужика. После чего зашептала ему в самое ухо. – Пыш-пыш-пы-пшшш.

- Ир, ты местом немного ошиблась, у меня не это место болит.

- Это, Егор Дмитриевич. Вы сейчас просто находитесь в стадии отрицания, что больной на всю голову.

Улыбнулся. Точно так же, как на вчерашнем видео, прежде чем броситься за мной. От его улыбки прошиб мороз, на коже выступили мураши. Несмотря на это я не сделала ни шагу назад, не отвела глаз. Скопировав холодный взгляд и плотоядную улыбку, я просто рассматривала его лицо, стараясь не смотреть на ту часть, которая, по словам Марьяны, была украшена серо-буро-малиновым фингалом...

Чё ты гонишь, мусор, шнягу не по делу? Чё ты паришь мне про нары и конвой? Чё мазуришь ты на понт? Я не товарка. И пугаешь, падла, бабу Колымой? – Неожиданно загорланивший на всю округу телефон внёс музыкальную паузу в напряжённую обстановку.

Сказать честно, обстановка не стала быть менее напряжённой даже когда звонок на мой телефон пошёл по второму кругу.

Стараясь не обращать внимания на совсем уж недобрый взгляд Егора, я полезла в сумку за телефоном.

Чё ты гонишь, мусор... - Надо было Богдану сказать, что тётя Лена очень хотела, чтобы он нарисовал ей огурец на лбу, причём несмывающимися фломастерами. Зараза!

- Алло, - прокашлялась, - слушаю. Да, еду, конечно. Я доплачу за простой. Да, уже иду...

Сколько, интересно, там уже за ожидание натекло...

- Извините, Егор Дмитрич, опаздываю. Приятно было пообщаться. До сви...

- На работу опаздываешь, Глаш?

- Ага.

- И с кого на сей раз венец безбрачия будешь снимать?

- Ой, там не венец, Егор Дмитрич. Недуг почти такой же как в вашей интерпретации. Правда, и мужики там, уххх. – Потрясла сжатым кулаком, изображая тот самый уххх. - Футбольная команда. Двадцать человек. Это каждому нашептать надо на бо-бо. Работы... полный рот.

Его улыбка совсем уж стала нехорошей. Какой-то мужик дефектный... Хорошо ему – хмурится, плохо – лыбится, аж в щеках вон лопается, как будто ему осталось жить до следующего понедельника. И как его вообще можно понять...

- Так, значит, ради этого разрядилась? А не маловато одежды, Ир? – Спросил он, медленно проделав путь от моего лица, до глубокого декольте. Пуговицы я не застегнула аж целых три. - Бусы, вон, вываливаются. Должна же быть в бабе хоть какая-то загадка...

Сволочь! Еле сдержалась, чтобы не запахнуть на себе пуховик.

- Зимой и летом одним цветом.

- Что?

- Загадка, говорю, во мне есть – зимой и летом одним цветом. Ну вы пока думайте, Егор Дмитрич, а я поехала.

Обогнула его.

Теперь главное в снег не упасть...

Добежала до ожидавшей меня машины. Залезла в прогретый, но ужасно пропахший куревом салон.

- Едем? - спросил водитель, смотря в салонное зеркало заднего вида.

- Едем. – Апчхи.

- Не против шансона, красавица? – На этот раз водитель продемонстрировал мне вставленный золотой зуб.

- Не против. – Это теперь вообще моя тема...

Посмотрела в окно. Егор стоял на том же месте. На ветру колыхался кудрявый чёрный парик, а на земле рядом с ним стоял пакет с кладбищенской землёй. Видимо, это и была причина его сегодняшнего неожиданного появления. Думаю, теперь второго такого порыва с ним не случится.

Так ведь?..

И зачем он только пришёл? Для чего приволок с собой тот мусорный мешок? А ведь ещё вчера он над ним трясся как над манной небесной. Вот и оставил бы себе, раз он так его сердцу дорог. Мне этого кладбищенского добра теперь и даром не нать, да и Ленка особо плакать бы не стала...

Ещё и парик притащил. Нафига? Неужели, по его мнению, я так жалко выгляжу, что нуждаюсь в той выщипанной лохматине? Презентовал бы её лучше, не знаю, Анастасии Семёновне. Волосы у неё, конечно, и свои хорошие...

Твою мать! Какая ещё Семёновна?! Какие волосы?!

Надо выбросить все эти глупости из головы и настроиться на показ квартиры...

В очередной раз уставилась в экран своего телефона, пролистывая фотографии объекта, вычлняя все возможные косяки, которые сто процентов заметит привередливый клиент, заранее продумывая рекламную оправдательно-побудительную речь... Очень даже прекрасно, что в ванне нет кафельной плитки, значит, эта комната подготовлена под ремонт...

Пошепчите ему на больное место, будьте добры...

Подавила глупую улыбку.

Твою ж тратамать! Вот зачем он пришёл?!...

Футбольная команда, скошенная неожиданным недугом, ждала сидя на лавочке у подъезда старой пятиэтажки.

- Остановите, пожалуйста, здесь. Спасибо. Сколько с меня?

Выцыганить скидку не помогли ни общие с водителем музыкальные предпочтения, ни позаимствованные у подруги влажные взгляды, ни моя томная улыбка. Всё равно пришлось сто рублей заплатить сверху за ожидание. А ведь это две пачки жевательного мармелада, единственного лакомства, что не так сильно травмирует молочные зубки, ну и ещё мой кошелёк. Мелочь, да, но когда деньги рассчитаны буквально до копейки, чтобы продюжить до аванса, такие траты не допустимы...

Вышла из машины, мысленно обращаясь ко всем богам сразу – купи уже чёртову квартиру...

- Вениамин Ананьевич! Здравствуйте! Как я рада вас видеть! – Я всегда впадала в бурные эмоции во время приветствия, чтобы замаскировать рвущийся наружу смех. Потом просто мастерски (надеюсь) избегала настолько личного общения, где требовалось бы обращение по имени.

Бедный старик. Точнее, бедный отец этого старика...

- Здравствуйте, Ирочка. Какие у вас прелестные бусы.

- Ой, Вениамин Ананьевич, - это было исключением из правил. – Уверяю вас, квартира намного лучше...

Была бы, если бы пока ещё действующие владельцы выполнили все пункты из высланной им на мессенджер инструкции. Я всегда настоятельно рекомендую продавцам убрать все

личные вещи, будь то фотографии, грамоты, да те же книги... Покупатель всегда примеряет квартиру на себя, а это сделать очень сложно, когда из каждого угла с портретных снимков на тебя смотрит голожопый младенец. Ну и конечно же обезличенные квадратные метры должны содержаться в порядке.

- Ирочка, давайте посмотрим ещё варианты, - сказал мой долгоиграющий клиент, недовольно поджав губы и переступая через игрушечную свалку.

- Спасибо за показ! – Я постаралась быть максимально вежливой. Маловероятно, конечно, что эта семья когда-нибудь решится продать квартиру, такие обычно слетают на этапе внесения задатка, но чем чёрт не шутит...

- Вторая квартира вам точно понравится, - сказала я на улице, вбивая в программу местного такси адреса.

- Поехали, Ирочка. Посмотрим. – Хоть бы раз за такси сам заплатил, чтобы Ирочка смогла ещё и продуктов в дом принести...

В машине я уткнулась в свой телефон, чтобы тем самым свести к минимуму личные разговоры. У меня вообще начало складываться стойкое ощущение, что дедку просто не с кем поговорить, вот он и нашёл альтернативу в виде моих ушей. На данный момент он с пеной у рта рассказывал о внучатой невестке, или кем там ему приходится жена его внука...

- Представляете, Ирочка, она весь день лежит на диване и ровным счётом ничего не делает. И как вам это нравится?...

Мне это очень даже нравится – мысленно искренне позавидовала счастливой бабе.

- Какой кошмар... - вслух поддакнула я, просто чтобы дедок отстал. Открыла родительский чат, и стала выискивать среди кучи глупых сообщений протокол вчерашнего родительского собрания. У нас в группе есть ответственная мамочка, которая конспектирует каждое слово Лидии Григорьевны, а потом поднимает столько лайков под ними, что даже возникает желание взять автограф у сей знаменитости. Вот и на этот раз она не подвела.

Фонд, двадцать третье февраля, бла-бла-бла.

... А давеча она с подругами шлындать пошла до десяти вечера...

- Да вы охренели! - Громогласно объявила на весь автомобильный салон, ещё раз пробежав глазами по последнему пункту, всё-таки надеясь на обман зрения.

- Что такое, Ирочка?

Пять тыщ на подарок Лидии Григорьевне на выпускной, ну и на само торжество по десять – вот что случилось с Ирочкой. Одолеп скупердяйский обморок.

Проигнорировав сконфуженного моим невниманием Вениамина Аннаньевича, я стала записывать голосовое послание для всего родительского чата. Да и клиент пусть послушает – ему тоже полезно. Катается он тут со мной по риелтор-туру. Хоть бы раз за такси заплатил...

Глава 7

Ни одна квартира Вениамину Ананьевичу так и не понравилась. Думается мне, что после нашей с ним поездки в задубевшем от мороза автобусе к заключительному пункту турне, уже и не понравится.

Надоело... Вот именно сегодня и надоело возить его на своём горбу и исполнять роль мусорного ведра, в которое он производит непрекращающийся сброс грязного семейного белья. Ладно бы ещё гарантия какая-то была, что всё это не зря. А так...

Утренний настрой, нет, не угас, но переродился в какое-то пока ещё молчаливое бешенство. Обычно после такой эмоциональной закупорки меня разрывало в самый неподходящий момент. Если бы сейчас мне под руку попался Егор Дмитриевич с просьбой ему пошептать в трудносливаемые места, то одним фингалом он бы не отделался...

В офис я влетела уже после обеда привычно голодная и злая.

- Всем привет, - буркнула, бросая сумку на свой рабочий стол. Не обращая внимания на более радостные ответные приветствия, я пошла на нашу общую маленькую кухню. В холодильник лезть было не за чем, поэтому я просто щёлкнула кнопку на чайнике. Хотя бы закрашенным кипятком себя побалую...

Немного отогревшись и на время обманув желудок, я вернулась обратно в офисное помещение и постаралась влиться в суетливый рабочий процесс. Но не успела занять своё рабочее место, как ко мне подлетела наша новая коллега Ольга – настолько же амбициозная, насколько молодая. Студентка-заочница, выполняющая на данный момент работу «волка». Так мы называли риелторов-новичков, в чьи обязанности входило «выследить» новое объявление о продаже квартиры в интернете и сделать всё возможное и невозможное, чтобы клиент заключил договор именно с нашей компанией. У Ольги уже сейчас неплохо получалось ловить продавашек. А ведь когда-то я была такой же...

- Ир, там о тебе Валерий Юрьевич спрашивался, - сказала Ольга, доедая на ходу бутерброд. Да, когда-то и у меня не было времени на то, чтобы спокойно посидеть и поесть. А сейчас у меня даже еды нет. Какой-то регресс...

- Спасибо, - ответила я немного резче, чем хотела.

Ясное дело, руководитель и собственник риэлтерской компании Этажи решил узнать, как обстоят дела с моим долгоиграющим клиентом. В декабре, наслушавшись от меня баек, он выделил мне небольшую премию. С того момента прошёл почти месяц, а воз и ныне там...

Постучалась, прежде чем открыть дверь.

- Здравствуйте, Валерий Юрьевич.

- Привет, Ирина Александровна. Проходи, присаживайся.

Вроде дружелюбный тон...

Хотя, в этом плане мой руководитель был адекватным мужиком – на пустом месте не ругался. Требовал, да, но и премиями стимулировал.

Свежий курортный загар, джинсы, пиджак, дорогой запах... Валерий Юрьевич был на пятнадцать лет старше меня. И к своим годам построил маленький, но доходный бизнес. А ведь когда-то начинал с работы обычного «волка»...

- Ну что там у нас, Ир?

- Да ничего, Валерий Юрьевич. Съехал, похоже, клиент.

- Ты же помнишь, Ирина Александровна, девиз нашей компании – мы боремся...

- За каждого клиента, - закончила я за него фразу. – Там дохлый номер. Зря только столько времени и денег потратила. – Про последний пункт я специально сказала, чтобы разжалобить шефа.

- Сколько потратила?

- Пятьсот рублей на такси.
- На, вот, держи. – Он достал из кошелька тысячную купюру и протянул её мне.
- Спасибо, - искренне поблагодарила я, вставая.
- Ир, подожди. Я ещё не закончил. - А ведь всё так хорошо начиналось. – Ты же знаешь, что Наталья Павловна на больничном?

- Не, не, не, не!
- Ты не руби сразу-то.
- Я на суточников не пойду, Валерий Юрьевич!
- Да я бы и сам, Ир, только не могу сегодня. Улетаю. Ну не будут же квартиры простаивать. Тем более там клиенты есть. Делов то... Оформишь, заселишь, проверишь, выселишь.

- Нет, у меня ребёнок. А если там что...
- Клиенты нормальные, адекватные, взрослые. Муж с женой.
- Валерий Юрьевич, ну вы же взрослый мужчина, ну какой муж поведёт свою жену в посуточную квартиру, ну...

- Короче, Ирина Александровна, хватит кочевряжиться. Я тебе премию авансом давал? Давал. Ты сделку оформила? Нет. Так что, голуба моя, пока отсутствует Наталья Павловна, суточники на тебе...

Твою мать....

- Так, Ржанов Сергей Дмитриевич, распишитесь вот здесь. И вы, Леонова Марина Андреевна, вот здесь. – Муж с женой, ага. Посмотрела я как будто невзначай паспорт супруга, в графе имя то совершенно другой бабы...

А ведь ещё тогда я чувствовала всеми своими чакрами, что с этими постояльцами получится проблема...

Так оно и вышло.

Каждый новый звонок на телефон дробил мои нервы в труху. Уже десять минут кряду я ходила вокруг мобильника, надеясь, что в нецензурно уважаемом мною в девять часов вечера начальстве проснётся совесть. Видимо, на это рассчитывал и Валерий Юрьевич, продолжая долбить динамик телефона...

Через двадцать минут я сдалась.

- Ну и! - рявкнула в трубку. Уж простите, но как есть. В десятом часу ночи мой язык автоматически получал освобождение от субординации.

- Ирина Александровна! - проорал мой начальник, но не зло, нет, а вполне себе дружелюбно, перекрикивая царивший вокруг него праздник.

- Сразу нет! Спокойной ночи, Валерий Юрьевич. Я пошла сына спать укладывать. – Без каких-либо мук совести нажала на отбой. Какие уж тут угрызения совести, если начальству неплохо так отдыхается...

- Богдаш, иди зубки чисти и надевай пижамку.

Да твою ж мать! Телефон зазвонил вновь...

- Да!

- Ирина Александровна. – Быстро же он переобулся а. Уже и веселья в голосе ноль, и музыка динамик не прошивает. – Слушай, я понимаю всё. Был бы в городе, сам бы поехал. Ну не могу я!

Промолчала, заглушая в себе желание проорать – я же говорила!

- Ир, правда, выручи. Съезди разберись. Соседи снизу полицией угрожают, но, думаю, всё мирным путём удастся разрешить.

- И как вы это представляете, Валерий Юрьевич, а?! Я одна в ночи поехала на разборки?

- Да там и тебя одной будет много, Ир. Ну немного шумные постояльцы попались.

- Зашибись, Валерий Юрьевич.

- Премия, Ир, вот прям щаз на сбербанк. И дополнительная неделя к отпуску.
- Оплачиваемая. И надбавка за переработку. Мне сына надо на выпускной собрать.
- Идёт, Ир. Всё, сейчас тебе скину премию. Давай, отзовишься потом.
- И на такси.

Валерий Юрьевич хмыкнул в трубку и отключился. Тут же пришло уведомление о зачислении на мой счёт премии.

- Mam, я всё. – сказал Богдан, шлёпая по полу босыми ножками.

Конечно, деньги сейчас мне были очень нужны, чтобы поддержать штаны, но разве в них счастье...

Присела на корточки рядом с сыном.

- Богдаш, посидишь у тётъ Маши немножко? Хорошо? Маме нужно на работу съездить.

- Правда?! – В глазах сынишки зажглись счастливые светлячки, предвещающие приключения. Богдан любил нашу отзывчивую добрую соседку как родную бабушку, которой у него нет. Точнее, где-то бабушка имеется, и даже две. Одну из них я так и не смогла простить, когда она посоветовала сделать мне аборт, так как садить себе на шею ещё один рот она не собирается. Вторая бабушка, скорее всего, даже не знала об ещё одной почке на её родовом древе...

- Да, правда. Накидывай на себя курточку, обувай сапожки...

Бросила быстрый взгляд на своё отражение. Макияж был уже давно смыт, кожа на лице блестела от ночного питательного крема. Всё ещё влажные после душа волосы собраны в пучок, чёлка зацеплена невидимкой. Поношенный домашний спортивный костюм дополнял мой образ. Не совсем деловой стиль, но в десятом часу ночи на более представительный образ я просто не способна...

Соседка помочь мне не отказалась, хотя с интересом оглядела. Наверное, не поверила, что я отпросилась у неё, чтобы на работу съездить.

- Конечно, езжай, Ирочка. Конечно, а то всё дома сидишь. – Точно не поверила...

Такси подъехало едва я вышла из подъезда. Оно и понятно – будни, да и народ отдыхает после новогодних гуляний. Все копят силы перед Старым Новым годом и Крещением.

Продублировала водителю адрес, мысленно давая себе обещание, что эта моя ночная вылазка была в последний раз. Больше никаких посуточников, пусть хоть увольняют. Тьфу, тьфу, тьфу, конечно...

Я и сам до конца не мог понять зачем приехал к дому этой ведьмы. Вчера вечером, получив нагоняй от начальника экспертной комиссии в придачу к мешку кладбищенской земли и премии в несколько ночных смен, меньше всего хотелось ещё раз лицезреть её... бусы.

Зачётные, кстати...

Нахрена я попёрся в этот сад? Зачем полез туда, где мне делать нечего? А что получил в сухом остатке? Истерику ошалевшей бабы и её байстрюка...

Ведьма благодарить совсем не умела. Даже пацан был дружелюбней настроен, хоть и устроил в машине сопливую мокроту. Оно и понятно, если бы я жил вот с такой мегерой, тоже ревел бы десять раз на дню.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.